Мажновецъ

Какъ держать себя на допросахъ

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЦА 125
М 391

1202.

ціальдемократическая Рабочая Партія.

ІХ ВСѢХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Махновец, В.П.

ЦА125
М391

В. БАХАРЕВЪ.

КАКЪ ДЕРЖАТЬ СЕБЯ НА ДОПРОСАХЪ.

Изданіе второе.

Изданіе Союза Русскихъ Соціальдемократовъ.

Цѣна 20 коп.

4 экз

ЖЕНЕВА.

Типографія Союза: Genève, route de la Cluse, 7.

1902.

К.

ЦА125
М391

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ЛЕНИНА

~~1100-28~~

Ц. 5931.у

2010 г.

У 82

КАКЪ ДЕРЖАТЬ СЕБЯ НА ДОПРОСАХЪ.

„Завѣщаю вамъ, братья, установить единообразную форму дачи показаній до суда, причемъ рекомендую отказываться отъ всякихъ объясненій на дознаніи, какъ бы ясны оговоры или сыскныя свѣдѣнія ни были. Это избавитъ васъ отъ многихъ ошибокъ."

(Изъ завѣщанія *Александра Михайлова*, одного изъ самыхъ выдающихся организаторовъ Исполнительнаго Комитета Народн. Воли. „Матеріалы для исторіи рус. соц.-рев. движенія", № 3-й, стр. 149).

Въ рекламахъ каждаго общества страхованія жизни сообщается, что докторъ, адвокатъ, инженеръ живутъ въ среднемъ лѣтъ 55—60; если принять, что эти люди приступаютъ къ своей общественной дѣятельности на 25-мъ году, то окажется, что періодъ дѣятельности ихъ въ среднемъ равняется 30—35 годамъ. Рабочіе живутъ гораздо меньше. Профессоръ Эрисманъ говоритъ*), что въ нѣкоторыхъ ремеслахъ жизнь рабочаго продолжается въ среднемъ только 35 лѣтъ, а у каменотесовъ даже 26 лѣтъ. Если считать, что рабочій становится професіональнымъ въ 18-ть или даже 16-ть лѣтъ, то періодъ ихъ дѣятельности равенъ только 18-ти или даже только десяти годамъ. Сколько же лѣтъ дѣйствуетъ русскій революціонеръ? Для отвѣта на этотъ вопросъ нѣтъ точныхъ данныхъ. Въ Департаментѣ Полиціи (Д. П.) есть опредѣленныя свѣдѣнія о моментѣ прекращенія дѣятельности каждаго изъ нихъ, но нѣтъ указаній на моментъ начала ея. Однако, въ революціонной средѣ распространено мнѣніе, что въ среднемъ намъ удается вести интенсивную дѣятельность, не болѣе двухъ лѣтъ подрядъ. Конечно, одинъ можетъ быть арестованъ на первыхъ же шагахъ, другой удачно вести дѣло 5—6—8 лѣтъ (Вѣра Фигнеръ, Софья Перовская и др.). Но я думаю, что цифра 2 года, какъ средняя, близка къ истинѣ. Около двухъ

*) Докладъ, читанный на международн. конгрессѣ въ 1897 г. въ Цюрихѣ по вопросу о законодат. охранѣ рабочихъ. См. „Новое Слово", 97.—XI.

третей (60%) всѣхъ, кто однажды привлекался, попадаются снова и, слѣдовательно, приступаютъ къ дѣятельности вторично. Въ третій разъ попадается меньшинство. Поэтому, мнѣ кажется, можно принять, что въ среднемъ русскій революціонеръ дѣйствуетъ дважды въ жизни по два года каждый разъ: дѣятельность средняго революціонера въ Россіи продолжается 4 года. Группа народоправцевъ (арестов. 21 апр. 94 г.) просуществовала нѣсколько больше 2-хъ лѣтъ; группа народовольцевъ (арестована тогда же) около двухъ лѣтъ; группа „старыхъ соціальдемократовъ“ нѣсколько больше 2-хъ лѣтъ, „молодыхъ соціальдемократовъ“ (обѣ группы взяты въ теченіе декабря 95 и января 1896 года) нѣсколько меньше. Группа народовольцевъ „4-го Листка“ (арест. 14 іюня 1896 г.) около двухъ лѣтъ. Замѣчательно, что періодъ этотъ повидимому мало измѣнился за 25 лѣтъ революціонной дѣятельности въ Россіи. Кружокъ чайковцевъ образовался въ 1871 г., разгромленъ въ 1873 году. Нечаевцы дѣйствовали 4 мѣсяца, кружокъ же ихъ существовалъ 16 мѣс. *). Впрочемъ, на продолжительность дѣятельности вліяетъ спеціальность революціонера: агитаторъ можетъ разсчитывать въ среднемъ не болѣе, какъ на 6—8 мѣс. дѣятельности.

Краткость періода дѣятельности роковымъ образомъ отзывается на нашемъ дѣлѣ; мы попадаемъ въ тюрьму, едва успѣвъ пріобрѣсти нѣкоторый опытъ и конспиративный навыкъ, не успѣвъ даже передать ихъ нашимъ младшимъ товарищамъ; имъ приходится доходить до всего снова своимъ личнымъ, дорого стоющимъ опытомъ. Это нарушеніе преемственности революціоннаго опыта и методовъ борьбы сильно тормозитъ успѣхъ соціальдемократической дѣятельности, вызываетъ много напрасныхъ жертвъ.

Я хочу попытаться выяснить причины, такъ сильно сокращающія продолжительность нашей дѣятельности и пріемы и тактику, которые могли бы ее удлинить.

---

*) У Степняка („Андрей Кожуховъ“, стр. 77) Жоржъ заявляетъ: „Я скоро буду праздновать четвертую годовщину моей нелегальной жизни!“ —„Ты, значитъ, прожилъ двойной срокъ на счетъ кого либо другого, сказалъ Андрей. Разсчитано, что нелегальные живутъ среднимъ числомъ не больше двухъ лѣтъ“.—„Можно и 3 протянуть, если не лѣниться мѣнять паспорта, замѣтилъ Жоржъ...“

I. Процессъ разыскиванія политическихъ преступниковъ.

Дѣятельность революціонера прекращается вслѣдствіе враждебной ему дѣятельности правительства, органами котораго являются въ этомъ случаѣ Д. П. и Корпусъ Жанд. (К. Ж.). Поэтому продолжительность этого періода опредѣляется двумя факторами: тактикой Д. П. и К. Ж., съ одной стороны, и тактикой революціонера, съ другой. Надо изучить ту и другую.

Дѣятельность Д. П. и К. Ж. состоитъ, какъ цѣпь изъ звеньевъ, изъ отдѣльныхъ процессовъ. Она становится для насъ замѣтной съ момента ареста группы лицъ и кажется законченной съ объявленіемъ приговора; но, конечно, она начинается (по отношенію къ данной группѣ лицъ) гораздо ранѣе и кончается позже.

Намъ представляется, что одинъ процессъ не связанъ съ другимъ, что звенья лежатъ отдѣльно, но это только потому, что связь между ними недоступна нашему наблюденію. Чтобы обнаружить ее, надо подробнѣе изучить отдѣльный процессъ, отдѣльное звено, и притомъ не только видимую его часть, но и невидимую. Такъ какъ для этого придется порвать въ какомъ-нибудь мѣстѣ цѣпь, то надо принять, что въ каждый данный моментъ въ Д. П. или Ж. Упр. имѣются свѣдѣнія о томъ, что такія-то лица—А, В, С—являются неблагонадежными. Откуда эти свѣдѣнія—выяснится послѣ. Назову группу этихъ лицъ: К., а совокупность свѣдѣній, имѣющихся о нихъ въ этотъ моментъ (задолго до арестовъ), предварительными.

Допустимъ, Д. П. поручаетъ сыщикамъ слѣдить за этими лицами. Если кто-нибудь удачно скрываетъ свои слѣды отъ сыщика (шпіонъ часто теряетъ ого изъ виду), то къ нему назначается сыщикъ болѣе опытный, а иногда 2 и даже 4 *). Сыщики доносятъ Д. П. въ слѣдующей формѣ: Такого-то числа А вышелъ изъ дому въ 10 часовъ утра и направился по Литейному проспекту, вошелъ въ домъ № 5-й". Здѣсь Д. П. вставляетъ: „гдѣ проживаетъ такой-то", напр. В., имя лица, которое имѣютъ основаніе подозрѣвать въ сношеніяхъ съ А. Если же никто въ домѣ не заподозрѣнъ, то сыщикъ старается замѣтить (если посѣщенія повторяются), въ какую именно квартиру ходитъ А. Въ крайнемъ случаѣ, особенно если шпіонъ прослѣдилъ А въ этотъ домъ только одинъ разъ, начинаютъ слѣдить за всѣми живущими въ этомъ домѣ, чтобы убѣдиться, кто изъ нихъ поддерживаетъ сношенія

*) Меня увѣряли, что за Распутинымъ (взятъ въ Москвѣ съ 4 на 5 мая 95 г. какъ террористъ) слѣдили 16 сыщиковъ.

съ А. Такъ намѣчается лицо Д. Далѣе шпіонъ доноситъ, напр., такъ: „Въ этомъ домѣ А пробылъ около получаса и вышелъ со сверткомъ вершковъ 6 въ длину и 3 въ ширину, направился на Вас. Остр., гдѣ вошелъ въ домъ № 90-й, по шестой линіи". Д. П. опять вставляетъ: „гдѣ проживаетъ такой-то", напр., Е. Донесеніе сыщика нерѣдко оканчивается такъ: „Въ 6 часовъ А пошелъ на набережную Обводнаго Канала, гдѣ былъ оставленъ". Это значитъ, что А успѣлъ скрыть свои слѣды. Можетъ случиться, что другой сыщикъ, слѣдящій, напр., за Д., донесетъ, что и Д посѣщалъ В или С. Такимъ образомъ среди милліоннаго населенія столицы, кромѣ группы К, обращаютъ на себя вниманіе Д. П. лица,—Д, Е и т. д., назову группу этихъ лицъ L.

Д. П. приказываетъ слѣдить за тѣми лицами группы L, которые по своему возрасту, общественному положенію, слишкомъ частымъ сношеніямъ съ лицами группы К. возбуждаютъ подозрѣнія.

Послѣ слѣжки подозрѣніе противъ однихъ усиливается, противъ другихъ ослабѣваетъ. Такъ намѣчается новая группа, назовемъ ее М, состоящая изъ части лицъ группы К и изъ части лицъ группы L. Въ зависимости отъ характера предварительныхъ свѣдѣній Д. П. можетъ предположить съ большей или меньшей вѣроятностью, что именно группа М ведетъ ту революціонную дѣятельность, которая проявляется въ стачкахъ, появляющихся отъ времени до времени прокламаціяхъ или нелегальныхъ книжкахъ или просто выполняетъ ту подготовительную организаціонную работу, о которой въ обществѣ, по донесенію шпіоновъ, идутъ толки (какъ это было въ дѣлѣ народоправцевъ, арест. 19 апр. 1894 г.). Назову сумму свѣдѣній, доставленныхъ шпіонами, дополнительными. На основаніи свѣдѣній предварительныхъ и дополнительныхъ Д. П. поручаетъ Жандарм. Управл. сдѣлать въ одну ночь обыски и аресты лицъ группы М. и произвести дознаніе. Обыкновенно при этомъ захватываютъ вещественныя доказательства революціонной дѣятельности, напр. типогр. станокъ, шрифтъ, нелегальныя книги и проч. Кромѣ того могутъ быть найдены записанные или зашифрованные адреса, фамиліи и замѣтки; потомъ начинаются допросы, изъ которыхъ получаются новыя свѣдѣнія. На основаніи совокупности всѣхъ данныхъ, Д. П. заключаетъ, что нѣкоторыя лица группы М ни къ чему непричастны и взяты по недоразумѣнію; ихъ освобождаютъ. Съ другой стороны, обнаруживается, что лица F, G и т. д., группа лицъ N, хотя и не могутъ быть привлечены къ данному процессу, но возбуждаютъ подозрѣніе или близкимъ знакомствомъ съ лицами группы М, или оказываніемъ различныхъ мелкихъ услугъ (распространеніе лотерейн. билетовъ, временное храненіе или даже чтеніе книгъ, передача писемъ, предоставленіе своей квартиры и пр.). Эта группа вмѣстѣ съ лицами, причастными

къ прошлымъ процессамъ или уже отбывшими свое наказаніе, будетъ играть въ слѣдующемъ процессѣ такую же роль, какъ группа К въ данномъ процессѣ. Сумма свѣдѣній о лицахъ группы N будетъ аналогична предварительнымъ свѣдѣніямъ о группѣ К. Впрочемъ, на основаніи свѣдѣній, полученныхъ послѣ арестовъ, могутъ быть привлечены къ дѣлу и понести наказаніе и новыя лица группы О. Такимъ образомъ часть группы М плюсъ группа О составляютъ новую группу Р, которая уже окончательно обвиняется въ томъ или иномъ преступленіи.

Слѣдствіе окончено, дѣло передается въ Министерство Юстиціи. Тамъ его разсматриваетъ особая комиссія, въ которой теперь, между прочимъ, состоятъ Песочкинъ (товарищъ оберъ-прокурора Сената), Стремуховъ, Котляревскій и др. (консультація при М. Ю.). Эта комиссія опредѣляетъ наказанія, которыя по ея мнѣнію, должны понести обвиняемые, и потомъ, согласно закону, должна бы была передать дѣло на разсмотрѣніе Судебной Палаты или Сената. Но дѣла, относящіеся къ революціонной дѣятельности комиссія передаетъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ; тамъ составляется новая комиссія, въ которой участвуетъ, между прочимъ, Директоръ Департамента Полиціи. Рѣшеніе этой комиссіи гласитъ приблизительно такъ: „Преступленіе совершено противъ государства. Департ. Полиціи, какъ представитель его интересовъ, ничего не имѣетъ противъ того, чтобы судебное преслѣдованіе этихъ лицъ было прекращено, если только на нихъ будетъ наложено административнымъ порядкомъ такое-то наказаніе“. Тогда М. Ю. докладываетъ царю, что и правосудіе было бы удовлетворено, если бы желаніе Д. П. было исполнено, и испрашиваетъ разрѣшеніе прекратить судебное преслѣдованіе и окончить дѣло административнымъ порядкомъ. Иногда между М. Ю. и М. В. Д. случается конфликтъ, тогда онъ улаживается путемъ компромисса. Царь, кажется, обыкновенно подписываетъ приговоръ явившійся результатомъ соглашенія министерствъ. Группа Р. отправляется въ ссылку или въ тюрьмы и процессъ оконченъ.

Нужно выяснить, одинаково-ли важны для слѣдствія свѣдѣнія, различными изъ указанныхъ способовъ.

II. Источники, изъ которыхъ правительство узнаетъ о дѣятельности своихъ враговъ.

а) О группѣ предварительныхъ свѣдѣній нечего сказать въ отдѣльности.

б) Существуетъ мнѣніе, что невозможно скрыть свои слѣды отъ шпіоновъ, разъ они зададутся цѣлью выслѣдить кого-нибудь

во что бы то ни стало. Часто ссылаются на примѣры, поскольку были опубликованы свѣдѣнія о политическихъ дѣятеляхъ въ прежнихъ процессахъ. Напр., было описано, какъ тщательно скрывался Тригони и, однако, будто бы былъ извѣстенъ каждый его шагъ*). На дѣлѣ виртуозные шпіоны рѣдки и въ частности невѣрно, будто бы Тригони былъ хорошо выслѣженъ. Необходимо было бы описать пріемы, къ которымъ прибѣгаютъ сыщики, и пріемы, при помощи которыхъ отъ нихъ можно скрываться. Теперь каждому приходится открывать Америку и даже самые простые пріемы часто остаются неизвѣстными, а между тѣмъ они очень цѣнны. Да и самыя сношенія съ товарищами надо вести съ предосторожностями, которыя далеко не всегда соблюдаются. Для Д. П. и К. Ж., конечно, въ высшей степени важно намѣтить среди милліоновъ людей именно нужныхъ лицъ. Однако, жандармы, арестуя данную группу, далеко еще не убѣждены, что арестовали лицъ, дѣйствительно причастныхъ къ политическому преступленію, и если не окажется иныхъ данныхъ для подтвержденія ихъ виновности, то нельзя осудить людей только за знакомство съ лицами преступными (если не считать исключительныхъ случаевъ). Поэтому свѣдѣнія дополнительныя *сами по себѣ* еще не очень для насъ опасны, хотя *при теперешней* нашей манерѣ держаться на допросахъ они и оказываются въ большинствѣ случаевъ роковыми.

в) Если при обыскѣ взяты вещественныя доказательства преступности, то едва-ли возможно выгородить себя, не разсказавъ, откуда все это получено. Но самый фактъ нахожденія, напр., нелегальныхъ книгъ еще не выясняетъ, хранилъ-ли ихъ хозяинъ квартиры, желая только оказать личную услугу своимъ друзьямъ, или въ качествѣ сознательнаго революціоннаго дѣятеля, а это два преступленія далеко неодинаковыя. Кромѣ того, здѣсь отвѣчаетъ только хозяинъ квартиры, а такъ какъ вещественныя доказательства находятся при обыскахъ только у меньшинства, то при всей своей важности для судьбы лица, у котораго они взяты, они сами по себѣ не вырываютъ изъ нашей среды многочисленныхъ жертвъ. Не по этой причинѣ такъ сильно рѣдѣютъ наши ряды**).

г) Всѣмъ извѣстно правило, что нельзя держать у себя записей; но потребность записать такъ велика, что съ ней необходимо считаться. Къ несчастью, мы совсѣмъ не знакомы съ раціональными пріемами шифровки. Жандармамъ слишкомъ часто

---

*) См., напр., газету: „Порядокъ“ 83 г.

**) Намъ извѣстенъ фактъ, когда одинъ рабочій былъ взятъ въ нелегальной типографіи въ качествѣ наборщика, но не понесъ никакого наказанія. И дѣйствительно, оказалось, что онъ просто былъ нанятъ владѣлицей типографіи и не зналъ, что типографія тайная.

удается разобрать шифръ, между тѣмъ, если бы имъ умѣло пользоваться, то не только адреса и короткія записки, но даже цѣлыя письма не были разобраны.

Какъ скрывать свои слѣды отъ шпіоновъ? Какъ хранить вещи, свидѣтельствующія о преступной дѣятельности, чтобы въ случаѣ ареста они причинили наименьшій вредъ? Какъ зашифровать записи? Вотъ наши проклятые вопросы конспираціи!

Если бы члены революціонныхъ организацій, ссылаемые и дѣйствующіе, дѣлились въ печати своимъ опытомъ, то у насъ была бы теперь цѣлая литература по этимъ вопросамъ; намъ не приходилось бы дѣйствовать „кто въ лѣсъ, кто по дрова“, каждому на свой личный рискъ и страхъ.

Неумѣнье скрывать свои слѣды отъ сыщиковъ приноситъ намъ огромный вредъ: только благодаря ему, Д. П. удается хоть приблизительно намѣтить вредныхъ ему лицъ.

Еще несравненно болѣе пагубнымъ для насъ являются записи адресовъ, списки фамилій и проч. Наше неумѣнье скрываться отъ шпіоновъ и неумѣнье шифровать записи—два разрушительныхъ оружія въ рукахъ нашихъ враговъ. Было бы преступно умалять хоть сколько-нибудь ихъ колоссальное значеніе. Извѣстно напр., какія роковыя послѣдствія имѣли найденные у Лопатина списки адресовъ для судьбы его группы и всего тогдашняго движенія*); тѣмъ не менѣе, я думаю, что и это является пустякомъ по сравненію съ другимъ ужаснымъ орудіемъ, которое мы сами даемъ въ руки жандармамъ! Мнѣніе мое можетъ показаться парадоксальнымъ, но я именно его хочу защищать:

Мы сами выдаемъ себя на допросахъ.

д) Большинство арестуемыхъ несомнѣнно люди честные; они стараются выгородить какъ можно больше лицъ, хотя бы и ухудшая тѣмъ свое собственное положеніе. А между тѣмъ, именно выгораживая другихъ, они наносятъ нашему дѣлу ужасный вредъ. Доказать это—является цѣлью настоящей брошюры.

III. Важны-ли правительству наши показанія?

Часто говорятъ, что насъ ссылаютъ безъ суда. Это совершенно вѣрное положеніе можетъ быть, однако, ложно истолковано.

Если обвиняемому не сообщаютъ, въ чемъ именно его подозрѣваютъ; если вопросъ: „виновенъ или не виновенъ“ рѣшается людьми, которые даже не видятъ обвиняемаго; если обвиняемый лишенъ возможности посовѣтоваться съ адвокатомъ и требовать доказательства своей виновности,—onus probandi (бремя доказа-

*) См. брошюру „Процессъ 21“, изданную въ Парижѣ.

тельства) лежитъ не на обвинителѣ, а на обвиняемомъ; — если нѣтъ опредѣленнаго соотвѣтствія между преступленіемъ и наказаніемъ и кара возлагается въ зависимости отъ того, въ какой степени данное лицо кажется опаснымъ по своимъ личнымъ качествамъ, а не пропорціонально важности преступленія, — то здѣсь нѣтъ суда, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаютъ это слово всѣ кодексы Европы; здѣсь есть только административный произволъ.

Однако, для правительства важно открыть дѣйствительно опасныхъ лицъ: между тѣмъ оно не можетъ въ этомъ довѣрять не только показаніямъ шпіоновъ, но и жандармскимъ полковникамъ. Шпіоны часто врутъ—или изъ желанія выслужиться, или по ошибкѣ. Въ процессахъ 80-хъ годовъ часто случалось, что нѣсколько шпіоновъ давали показанія, одно другое уничтожающія, на чемъ ихъ и ловили обвиняемые. Если это извѣстно намъ, то тѣмъ болѣе извѣстно Д. П. Несомнѣнно, что такія противорѣчія бываютъ и теперь, только мы о нихъ уже не можемъ узнавать. Другое дѣло ошибки шпіоновъ. Ихъ можно замѣтить и теперь рѣшительно при каждомъ слѣдствіи. Вотъ характерный примѣръ. Сыщикъ прослѣдилъ, какъ изъ квартиры лица, къ которому онъ былъ приставленъ, какая-то неизвѣстная ему барышня высокаго роста въ бѣлой кофточкѣ вынесла ящикъ и сѣла на извощика. Шпіонъ поѣхалъ за нею. Барышня подъѣхала къ д. № $^{16}/_{39}$ по второй линіи Вас. Остр., расплатилась съ извощикомъ и вошла во дворъ. Шпіонъ остался ждать ее у воротъ; не дождавшись, онъ заключилъ, что она живетъ въ этомъ домѣ. Онъ описалъ ея наружность дворнику и спросилъ, кто она такая; дворникъ заявилъ, что такая барышня дѣйствительно живетъ въ этомъ домѣ, что она слушательница Бест. курсовъ N. N., снимаетъ компату вмѣстѣ съ курсисткой М. М. Въ эту же ночь Д. П. распорядился произвести обыскъ и арестовать ихъ обѣихъ. Однако ящика, не нашли. На допросахъ N. N. показала, что она была больна и вотъ уже нѣсколько дней не выходила изъ дому, а потому и не могла принести ящикъ, такъ интересовавшій жандармовъ. Вѣроятно, сыщику былъ сдѣланъ нагоняй, такъ какъ онъ явился послѣ съ упрекомъ къ дворнику и спрашивалъ, кто же могла быть эта барышня, если не N. N. „А кто же ее знаетъ!“ отвѣтилъ дворникъ, „мало-ли народу ходитъ, вѣдь нашъ дворъ, проходной!“ — „Чтоже ты мнѣ этого не сказалъ тогда?„ раздражился шпіонъ и добавилъ съ досадою: „А я-то ее цѣлый день у воротъ ждалъ!“

Я могъ бы привести такихъ примѣровъ довольно много. У жандармовъ ихъ, разумѣется, гораздо больше, и потому невозможно придавать показанію шпіона большое значеніе. И жандармы, по крайней мѣрѣ, оффиціально всегда сами призна-

вали, что шпіонамъ нельзя вполнѣ довѣрять *). Этому есть еще и другія причины. Жандармскій полковникъ, ведущій слѣдствіе, конечно, заинтересованъ въ томъ, чтобы представить дѣло какъ крамолу, опасную для государства, которую удалось раскрыть, благодаря талантамъ слѣдователя. Шпіонство легко ведетъ къ провокаторству. Въ этомъ отношеніи очень интересна исторія съ Судейкинымъ. Будучи начальникомъ III-го отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи, Судейкинъ самъ черезъ посредство Дегаева старался насаждать террористическіе кружки и оберегать ихъ отъ разгромовъ. Онъ хотѣлъ, чтобы тогдашній министръ Вн. Д. гр. Толстой былъ убитъ. Тогда бы Судейкинъ сразу открылъ огромный заговоръ и, конечно, былъ бы назначенъ на вакантное мѣсто министра. Не мало такихъ примѣровъ можно бы было привести и изъ заграничной жизни: дѣятельность Бисмарка среди швейцарскихъ анархистовъ; подвиги провокатора Мрвы (Австрія); дѣло Тауша (Германія), Баццани (Италія) и пр.**).

Исторія Судейкина и ей подобныя должны были, конечно, научить русское правительство держать ухо востро и по отношенію къ жандармскимъ полковникамъ. Недаромъ требуется, чтобы мы писали всѣ свои показанія собственной рукой, а если арестованный неграмотенъ, то его показанія должны быть подписаны понятыми. Но сыщики, конечно, склонны пѣть въ унисонъ съ тѣми, отъ кого зависитъ, получать или не получать имъ свои 30 сребренниковъ, а потому показанія ихъ теряютъ послѣднюю цѣну. Такимъ образомъ Департ. Полиціи вынужденъ подыскивать болѣе надежныхъ подтвержденій виновности или даже знакомства даннаго лица. И дѣйствительно, насколько я могъ убѣдиться изъ

*) Это заявлено даже въ оффиціальномъ изданіи слѣдственной комиссіи по дѣлу декабристовъ.

**) Во время поѣздки германскаго императора Вильгельма въ Палестину, Баццани объявилъ Египетской полиціи, будто въ домѣ нѣкоего Парина итальянскіе анархисты изготовили двѣ бомбы для отправки въ Палестину черезъ посредство кельнера Соусона. У П. былъ произведенъ обыскъ, при чемъ найденъ подозрительный ящикъ. П. объявилъ, что въ немъ находится коньякъ и въ доказательство самъ предложилъ разбить ящикъ молоткомъ; этого, ему, однако не позволили, а при вскрытіи ящика въ полиціи въ немъ оказались двѣ бомбы. П. и его товарищъ были арестованы, а Б. сталъ немедленно требовать себѣ награды. Настойчивость его требованій возбудила подозрѣніе, а потомъ раскрыто было, что бомбы изготовлены однимъ слесаремъ-арабомъ по заказу самаго Б. и что по его же распоряженію онѣ были доставлены П. въ ящикѣ подъ видомъ коньяка. Вслѣдствіе этого Б. былъ выданъ итальянскому правительству для суда, а арестованные анархисты преданы итальянскому суду въ Александріи только по обвиненію въ распространеніи анархическихъ изданій, такъ какъ это слѣдствіемъ подтвердилось.

разспросовъ, на слѣдствіи всегда особенно тщательно стараются добиться подтвержденія показаній сыщиковъ кѣмъ-либо изъ привлеченныхъ. Это дѣлается не изъ уваженія къ требованіямъ законности, которая попирается на каждомъ шагу, а по необходимости: если Д. П. знаетъ, что 60% причастныхъ къ дѣлу лицъ примутъ участіе въ революціонномъ движеніи вторично, то онъ также отлично знаетъ, что опредѣленный, очень большой процентъ лицъ привлекается совершенно безъ всякихъ данныхъ, просто на удачу. Ни въ одной странѣ не арестуютъ съ такою безцеремонностью, какъ въ Россіи.

Данныя, полученныя на допросахъ, передаются на разсмотрѣніе двухъ комиссій (Мин. Юст. и Мин. Внутр. Дѣлъ), и правительство заинтересовано въ томъ, чтобы эти комиссіи имѣли болѣе надежныя данныя, чтобы дѣйствію произвола не подверглись лица ни въ чемъ неповинныя и для него совершенно безвредныя, и мы должны сознаться, что грубыя ошибки въ этомъ отношеніи бываютъ сравнительно рѣдко. Рѣдко ссылаютъ людей абсолютно ни къ чему непричастныхъ. Рѣдко людей маловажныхъ караютъ строго. Кромѣ того для правительства особенно цѣнно составить опредѣленную характеристику привлеченнаго. Это гораздо важнѣе, чѣмъ убѣдиться въ виновности или невиновности его въ данномъ преступленіи. Если кто хотя и мало совершилъ „преступленій“ своими личными силами, но представляется талантливымъ, энергичнымъ, способнымъ сорганизовать другихъ, то, конечно, его не постѣснятся наказать какъ тяжкаго преступника. Наоборотъ, если кто и будетъ уличенъ въ совершеніи болѣе или менѣе крупныхъ „преступленій“, но кажется личностью мелкою, дѣйствовавшей подъ вліяніемъ другихъ или вообще не способною послѣ острастки приняться снова за дѣло, то ему придется недорого платить за свои грѣхи. Но характеристику нельзя составить по даннымъ, собраннымъ шпіонами.

Итакъ, хотя насъ ссылаютъ безъ суда, но Деп. Полиціи заинтересованъ въ томъ, чтобы въ большинствѣ случаевъ преступность ссылаемаго была подтверждена болѣе достовѣрными данными, чѣмъ показанія шпіоновъ и догадки. Даже фактическое знакомство двухъ лицъ, установленное шпіонами, онъ старается подтвердить показаніями обвиняемыхъ, но въ большей части случаевъ самый фактъ знакомства еще ничего не говоритъ, хотя часто и является очень подозрительнымъ (напримѣръ, знакомство студента съ рабочими). Для подтвержденія же большинства обвиненій, и притомъ самыхъ важныхъ, жандармамъ надо добиться свидѣтельства привлеченныхъ къ дѣлу лицъ, и, какъ это ни странно, какъ это ни прискорбно,—но мы сами доставляемъ жандармамъ эти необходимыя данныя для нашего обвиненія! Необходимо помнить, что рѣчь идетъ здѣсь о массѣ случаевъ, а не объ исключительныхъ обстоятельствахъ. Вѣдь не мало у насъ

примѣровъ высылки даже безъ слѣдствія, но это крайняя, исключительная мѣра, къ которой правительство не очень охотно прибѣгаетъ *). Правительство знаетъ, что среди населенія столицы, положимъ, 1% лицъ революціонно настроенныхъ. Было бы возможно даже всѣхъ ихъ выслать, но какъ ихъ узнать? Благодаря прошлымъ процессамъ, нѣкоторыя лица возбуждаютъ подозрѣнія, путемъ слѣжки намѣчаются ихъ знакомые. Аресты произведены, но этимъ дѣло еще не кончено. Теперь въ рукахъ правительства уже, такъ сказать, сгущенный растворъ „революціоннаго яда". Доподлинно извѣстно, что среди арестованныхъ уже не одинъ процентъ революціонеровъ, какъ среди населенія столицы вообще, а гораздо больше, наприм. 50 проц.; остальные 50 проц. ни въ чемъ не повинны, и потому ихъ нужно какъ можно скорѣе выпустить. 40 пр. изъ числа дѣйствительно причастныхъ къ дѣлу, какъ показалъ опытъ, вторично не попадаются, и потому необходимо выдѣлить этихъ людей и наказать слабѣе, только для острастки, чтобы не озлобить безъ нужды. Наоборотъ, остальные 60 проц. изъ числа дѣйствительно виновныхъ, не считая арестованныхъ по ошибкѣ, являются убѣжденными революціонерами; они и по возвращеніи изъ ссылки или тюрьмы снова примутся за свое дѣло. Группу этихъ лицъ необходимо также выдѣлить и наказать ихъ особенно строго: наконецъ, въ этой послѣдней группѣ есть 2—3 проц. лицъ, которыя по своимъ способностямъ, энергіи и вліянію являются особенно опасными: къ нимъ должно отнестись безпощадно. Какъ же установить эту градацію? Но арестованные — уже отборный народъ; процессъ обѣщаетъ хорошую добычу! Стоитъ повозиться надъ каждымъ изъ арестованныхъ въ отдѣльности! А вѣдь допросы единственный источникъ, который можетъ дать необходимыя данныя для этой классификаціи.

Я сдѣлалъ это отступленіе, чтобы выяснить значеніе допросовъ. Теперь посмотримъ, какъ ведется допросъ.

---

*) Въ 82 г. былъ арестованъ офицеръ Логовскій. При обыскѣ взяты взрывчатыя вещества и планы дворца. На допросахъ онъ отказался отвѣчать на какіе бы то ни было вопросы, и потому никакихъ иныхъ данныхъ о немъ не было. Государь приказалъ посадить его безъ суда въ Шлиссельбургъ на 5 лѣтъ. Когда срокъ кончился, къ нему явился жандармскій офицеръ и объявилъ, что срокъ заключенія увеличенъ еще на 5 л. Наконецъ, въ 97 г. онъ отправленъ въ Семипалатинскую область. Это, однако, единственный случай (изъ 48) заключенія въ Шлиссельбургъ безъ суда.

IV. Какъ ведется допросъ.

На первомъ допросѣ обыкновенно ограничиваются вопросами: откуда и для какой цѣли взяты найденныя вещи, знакомъ-ли допрашиваемый съ тѣмъ-то и тѣмъ-то изъ арестованныхъ; какимъ образомъ, гдѣ и когда онъ съ ними познакомился; что означаютъ найденныя неясныя записи, что за люди тѣ лица, адреса которыхъ взяты при обыскѣ. На допросахъ жандармскій полковникъ старается увѣрить васъ, что онъ относится съ величайшимъ уваженіемъ къ своимъ „кліентамъ“ (выраженіе полковника Шмакова), что онъ не врагъ, а „истинный другъ“ молодежи (выраженіе полк. Секержинскаго), что онъ сознастъ, что долженъ относиться къ арестованнымъ, какъ отецъ, ибо, кромѣ него, некому защищать ихъ „интересю“ (выраженіе полков. Васильева). Полковникъ начинаетъ на дальнѣйшихъ допросахъ размышлять вслухъ о томъ, какъ будетъ вредно, — не для васъ, о нѣтъ! — а для друзей и знакомыхъ вашихъ, если показанія ваши не будутъ чистосердечны. „Ужъ если Вы арестованы, то должны быть увѣрены, что все будетъ раскрыто. Я служу уже 20 лѣтъ и не помню ни одного дѣла, которое не было бы раскрыто вполнѣ. Я могу слѣдствіе вести два, три года, но не имѣю права передать его въ слѣдующую инстанцію, пока еще останется въ немъ что-нибудь неясное; если Ваши показанія не будутъ откровенны, то это, съ одной стороны, затянетъ слѣдствіе, съ другой, заставитъ насъ безпокоить всѣхъ вашихъ знакомыхъ, хотя я и понимаю, что многіе изъ нихъ были съ вами въ исключительно личныхъ отношеніяхъ.“ Затѣмъ начинаются жалобы на трудность обязанности слѣдователя по политическимъ дѣламъ. Во имя интересовъ истины онъ всѣмъ своимъ существомъ хочетъ быть справедливымъ, но что же дѣлать, если показанія не даются откровенно; изъ-за этого часто случаются ошибки. Полковн. Шмаковъ увѣрялъ всѣхъ и каждаго, что Яновичъ, отсидѣвъ 12 л. въ Шлисс. крѣп. скорбѣлъ лишь о томъ, что Бардовскій былъ повѣшенъ несправедливо (процессъ 29 въ 82 году въ Варшавѣ). „Скажите же откровенно, на чьей шеѣ его веревка? вѣдь я просилъ Васъ тогда дать мнѣ нѣкоторыя разъясненія!“—будто бы спросилъ полковникъ, а Яновичъ будто бы молчаніемъ своимъ выразилъ сожалѣніе, что онъ и его товарищи не давали показаній. Все это, конечно, ложь. Затѣмъ начинаютъ взывать къ вашему великодушію: нѣсколько вашихъ показаній могутъ сразу освободить многихъ лицъ, а на нихъ тяжело отзывается одиночное заключеніе. Онъ, полковникъ, отлично самъ сознаетъ, что они ни въ чемъ не повинны, но пока

не будутъ разъяснены нѣкоторыя обстоятельства, онъ не имѣетъ права ихъ выпустить. Въ это время вамъ предлагаютъ папиросы, иногда стаканъ чаю, а Котляревскій, ведшій дѣло 1-го марта 86 г., даже угощалъ своимъ обѣдомъ. Говорятъ съ вами не только вѣжливо, но даже приторно. „Моск. Вѣдомости“, пародируя слова предсѣдателя суда въ одномъ политическомъ процессѣ, писали: „Скоро у насъ будутъ говорить съ политическими преступниками такъ: Вы изволили ударить его по головѣ топоромъ, смѣю думать, что Вы имѣли намѣреніе убить его“. (Отеч. Записки 71 г., Нечаевскій процессъ). Кажется, фантазіи этой газеты сбылись. Не всякій безусый студентикъ удержится отъ смѣха, когда въ отвѣтъ на его рѣзкія слова сѣдовласый полковникъ мягкимъ и почтительнымъ голосомъ возразитъ: „Я уже имѣлъ честь доложить вамъ, Петръ Иваповичъ, что... и проч.“ Иногда допросъ прерывается разговорами совершенно посторонними. Говорятъ о политикѣ различныхъ европейскихъ странъ, вспоминаютъ былое старыхъ революціонеровъ, вскользь говорятъ о революціонныхъ сочиненіяхъ и, стараются подмѣтить, какъ вы относитесь къ этимъ вопросамъ и сочиненіямъ. По личному опыту, по многимъ свидѣтельствамъ утверждаю, что трудно при этомъ въ теченіе ряда часовъ не проронить ни одного слова: такъ непринужденно, такъ любезно болтаетъ полковникъ и притомъ вѣдь онъ совершенно не затрагиваетъ ничего, что бы касалось предмета допроса. Полковнику надо только составить о васъ мнѣніе для характеристики и, кромѣ того, усыпить ваше вниманіе.

Одна госпожа была вызвана къ полковнику Секержинскому. Полковникъ былъ отмѣнно любезенъ и говорилъ съ нею больше 2 час. ужъ, конечно, не ради ея прекрасныхъ глазъ; однако, разговоръ былъ такъ пахожъ на салонную бесѣду, что эта госпожа, вернувшись домой, даже не могла передать, о чемъ она говорила, а между тѣмъ она вовсе не была глупа, и ей было уже не 19 лѣтъ. Если покажется, что вы изъ робкаго десятка, то васъ увѣряютъ, что ваше дѣло очень серьезно и что неискреннія показанія значительно усугубятъ кару, въ случаѣ же сознанія она будетъ ничтожна. Котляревскій даже грозилъ пытками. Наоборотъ, если вы станете упорно уклоняться, то вамъ поторопятся объявить, что вы имѣете право (!!) отказаться давать показанія. Конечно, то и другое ложь. Только прямымъ предательствомъ можно купить себѣ прощеніе --морской офицеръ Ергинъ *),—а иначе, бы искренно вы ни давали показанія, васъ покарaютъ безъ всякаго снисхожденія (примѣры ниже). Съ другой стороны, толь-

*) Не смѣшивать его съ братомъ его Александромъ Е., который, наоборотъ, держалъ себя на допросахъ очень рѣзко и послѣ трехъ лѣтъ одиночки пошелъ на 8 л. въ Якутку. Теперь приговоренъ къ 4 г. арестантскихъ ротъ.

ко гнусный лицемѣръ можетъ сказать, что мы „имѣемъ право‘ не давать показанія. Астыревъ своею мученическою смертью заплатилъ за это „право“, и развѣ одинъ Астыревъ!..

Если на васъ не дѣйствуютъ всѣ эти средства, то можетъ быть, вы добрая жена или дочь, любящій сынъ или мужъ. Вамъ намекнутъ, что дорогіе вамъ люди сильно страдаютъ. Боже сохрани, чтобы васъ запугивали! Нѣтъ! Вѣдь запугиваніе, застращиваніе запрещено. Полковникъ изъ состраданія къ вашимъ отцу, матери, вскользь упоминаетъ о томъ, какъ она разстроена и какъ она просила его, полковника, о свиданіяхъ; какъ онъ, при всемъ своемъ желаніи, не могъ быть ей полезнымъ; при этомъ вставляется замѣчаніе о томъ, какимъ роковымъ исходомъ оканчивается иногда для родителей арестъ ихъ дѣтей. Предоставляется вамъ самимъ дѣлать выводъ, что и съ вашей матерью можетъ случиться тоже. Зинаидѣ Невзоровой прокуроръ, кажется, Кичинъ, напомнилъ, что ея отецъ при смерти и что послѣднія минуты его жизни будутъ отравлены, если онъ не увидитъ свою дочь около себя, а для этого нужны суціе пустяки — нѣсколько маловажныхъ разъясненій. Можетъ быть, вы горды, самолюбивы — вамъ на всякій случай намекнутъ, что вы трусите, что вы стыдитесь своихъ убѣжденіи. Генералъ Новицкій (теперь въ Кіевѣ) такъ говорилъ: „Вѣдь я же вамъ прямо высказываю свои взгляды, отчего же вы скрываете свои?“ Это, конечно, слишкомъ грубая и беззастѣнчивая форма, однако, и на эту удочку идетъ немало народу; а иногда этотъ крючокъ бываетъ прикрытъ красивой фразой, тогда на него легче попадаются.

Всѣ эти пріемы слѣдователь вырабатываетъ путемъ многолѣтняго опыта своего и своихъ предшественниковъ. Еще живы такіе опытные слѣдователи, какъ Страховъ (велъ Нечаевское дѣло 1871 г.); теперь, кажется, въ Спб. Середа, — велъ дѣло Фигнеръ, процессъ 50-ти въ 74 г.; Новицкій,—жандармскій генер.-маіоръ, теперь живетъ въ Кіевѣ и имѣетъ власть надъ всѣми юго-западными губерніями—свои пріемы, массовые аресты, перенялъ отъ Стрѣльникова, который велъ, между прочимъ, дѣло Попова и Иванова въ 74 г., Осинскаго и др. въ 79 г., Щедрина и др. въ 81 г. Его помощникъ Малицкій болѣе ловокъ, чѣмъ Новицкій. Онъ особенно ловко умѣетъ вести разговоръ общаго характера и потомъ ловить на словѣ. Онъ даже подслушивалъ бредъ спящаго, записывалъ его, поддѣлывалъ подпись и потомъ читалъ другимъ арестованнымъ, какъ показанія ихъ товарища. Шлакевичъ (теперь въ Варшавѣ) велъ процессъ „Пролетаріата“ въ 85 году и до сихъ поръ дѣйствуетъ вмѣстѣ съ Утгофомъ, любимый методъ котораго—провокація. Шатовъ (теперь въ Ковнѣ, раньше дѣйствовалъ въ Харьковѣ), любитъ читать ложныя показанія. Постовскій, прокуроръ судебной палаты въ Вильнѣ, велъ процессъ 1-го марта 81 г. Шуродъ, прокуроръ варшавской судебной палаты, велъ

процессъ 29-ти вмѣстѣ съ полковн. Бѣлоновскимъ, который умеръ въ 1898-мъ г,. оставивъ русскому обществу въ наслѣдство двухъ своихъ достойныхъ учениковъ: полковн. Шмакова и полковн. Секержинскаго. Членъ Консультаціи при министерствѣ юстиціи Котляревскій, велъ между прочимъ дѣло, 1-го марта 87 г. и пр. Какимъ же средствомъ обладаютъ эти господа, у которыхъ, какъ я старался показать, нѣтъ недостатка въ опытности? У нихъ цѣлый штатъ шпіоновъ; они могутъ перехватывать почту, они держатъ въ рукахъ замѣтки и записки, оставшіяся цѣлыми по оплошности вашихъ знакомыхъ и взятыя при обыскѣ; они могутъ сличать, сопоставлять показанія двухъ-трехъ десятковъ лицъ... И вотъ противъ этихъ людей выступаетъ молодой студентъ или юная курсистка...

Можетъ быть, она удачно вела 2, 3 г. пропаганду и считалась хорошей пропагандисткой, но она въ первый, рѣдко во второй разъ находится предъ жандармскимъ полковникомъ и прокуроромъ, она уже нѣсколько мѣсяцевъ сидитъ въ одиночномъ заключеніи, не знаетъ кто изъ ея знакомыхъ арестованъ, какія замѣтки нашли нужнымъ записать и сохранить ея знакомые, не знаетъ, кто, какъ и что отвѣчаетъ на допросахъ. Грустная, тяжелая, картина! Эти молодые, добрые, честные люди, можетъ быть, способные, но неопытные, живущіе въ отвратительныхъ условіяхъ одиночки, нервно разстроенные, вступаютъ въ состязаніе съ способными, опытными, старыми, хладнокровными слѣдователями, не брезгающими никакими пріемами для раскрытія дѣла и обладающими для этого огромными средствами. Много пустой лжи въ словахъ опричниковъ, много, много жестокаго, безчеловѣчнаго издѣвательства надъ чувствомъ арестованныхъ, много лицемѣрія, много клеветы, но изъ всѣхъ рѣчей этихъ господъ мнѣ приходилось слышать одну только, единственно нелживую мысль—вотъ она: „Вы, господа, люди неопытные, вы арестованы въ первый, много во второй разъ, а вѣдь я уже 10, 15, 20 лѣтъ веду слѣдствія, у насъ всѣ средства открыть истину!..“ И странное, непонятное дѣло! Именно этому заявленію мы не вѣримъ, не обращаемъ на него вниманія!

Прада, слѣдователи дѣлаютъ изъ этого признанія такой выводъ: „Значитъ, вы не можете меня перехитрить; значитъ, вамъ остается одинъ исходъ: разсказать все прямо, чтобы, по крайней мѣрѣ, люди ни въ чемъ не повинные не были замѣшаны...“ Но, говоря это, опричники, конечно, отлично знаютъ не только то, что это не единственный для васъ исходъ, но и то, что вы не выберете этого исхода. Полковникъ предлагаетъ вамъ „объяснить“ свои знакомства, свои записи, но онъ знаетъ, что вы будете дѣлать это не „искренно“, а съ цѣлью выгородить вашихъ друзей. Ему важно только, чтобы вы пусились въ объясненія, тогда и только

тогда полковникъ можетъ проявить свои способности и, какъ ловкій софистъ, заставитъ васъ сказать все, что ему нужно.

V. Наши пріемы самозащиты на допросахъ.

Я указалъ на тѣ пріемы, къ которымъ прибѣгаютъ на допросахъ наши враги. Теперь постараюсь систематизировать тѣ пріемы, которыми пользуемся мы. Всѣ пріемы, къ которымъ прибѣгаютъ арестованные, какъ мнѣ кажется, могутъ быть сведены къ одному изъ слѣдующихъ типовъ.—*1) Тактика устрашенія:* нѣкоторые думаютъ, что правительство можетъ пойти на уступки, устрашившись той или другой организаціи, поэтому на допросахъ такіе люди стараются выставить силы своей организаціи большими, чѣмъ онѣ есть на самомъ дѣлѣ, а свои личные планы болѣе широкими, болѣе грандіозными. Думаютъ добиться того, чего добился Муцій Сцевола.—*2) Тактика признанія:* считаютъ унизительнымъ для себя отрекаться отъ своей вѣры, какъ Петръ отъ Христа. При этомъ обыкновенно допрашиваемый находитъ нужнымъ разсказать, какъ онъ дошелъ до теперешняго своего міровоззрѣнія, каковы его убѣжденія, что онъ ради нихъ сдѣлалъ и какъ онъ это сдѣлалъ. Одно, очень мною уважаемое лицо, занимавшее видное положеніе и въ легальномъ мірѣ, и въ революціонной дѣятельности, говорило мнѣ: „...Меня выставляли мальчишкой, который занимался революціей въ качествѣ ухаживателя за барышнями! Я же хотѣлъ показать, что мы были сознательными революціонерами. Поэтому я попросилъ у полковника бумаги и изложилъ ему письменно свои взгляды на современное положеніе народа и наши цѣли...“ — *3) Тактика убѣжденія:* обвиняемый старается убѣдить слѣдователя и прокурора въ томъ, что положеніе русскаго народа ужасно, что онъ, арестованный, стремился только облегчить участь народа, что къ тому же стремятся всѣ революціонеры и выражаетъ свое изумленіе, какъ могутъ полковникъ и прокуроръ не соглашаться съ этимъ. Въ подтвержденіе своихъ словъ арестованный разсказываетъ все, что сдѣлалъ онъ и его товарищи и выясняетъ, что во всѣхъ этихъ планахъ нѣтъ ничего эгоистическаго. Всѣ, кому покажется невѣроятнымъ, чтобы кто-нибудь придерживался этой тактики, пусть прочтутъ „Записки благополучнаго россіянина“—Отеч. Зап. 1871 г.—Типъ, тамъ описанный, сохранился, хотя и не въ чистомъ видѣ. Я могъ бы привести нѣсколько примѣровъ изъ нашихъ временъ, но мнѣ не хочется называть честныя имена ради иллюстраціи ошибокъ.—*4) Тактика обличенія:* это тоже, что тактика убѣжденія, только при этомъ говорятъ рѣзкимъ тономъ и упрекаютъ, обличаютъ своихъ слѣдователей въ изувѣрствѣ и въ

корыстномъ служеніи деспотизму и врагамъ народныхъ интересовъ.—*5) Тактика подтвержденія:* когда полковникъ въ доказательство справедливости своего обвиненія прочтетъ показаніе лица, близкаго допрашиваемому, или сообщитъ детали, свидѣтельствующія о томъ, что онъ точно знаетъ фактъ, то арестованный нерѣдко считаетъ безполезнымъ дальнѣйшее отрицаніе и признаетъ себя виновнымъ, подтверждая соотвѣтствующія показанія своихъ товарищей. Послѣ этого ему приходится признать себя виновнымъ и во многомъ другомъ... Положимъ, что А признался, что въ такой-то день и такой-то часъ изготовлялъ прокламацію, а В—что онъ былъ въ этомъ часу у А, тогда В долженъ будетъ признать и то, что онъ былъ соучастникомъ въ преступленіи А.—*6) Тактика объясненія:* это самая обыкновенная тактика. Стараются „объяснить" свои знакомства, адреса и записки, взятыя при обыскѣ, т. е, стараются выдумать разныя исторіи, чтобы казалось, что знакомство произошло, а найденные адреса хранились съ цѣлями, ничего общаго съ революціонною дѣятельностью не имѣющими. Говоря иначе, стараются провести жандарма, слѣдователя и прокурора.—*7) Тактика отрицанія:* арестованный отрицаетъ все, что у него спрашиваютъ, хотя бы самые несомнѣнные факты.—*8) Отказъ давать показанія:* допрашиваемый заявляетъ, что зная, какъ безцеремонно относятся жандармы ко всѣмъ, кто попадается имъ подъ руку, не желаетъ давать никакихъ показаній, предоставляя слѣдователю самому выяснить все, что ему надо.—*9) Тактика молчанія:* арестованный не произноситъ ни одного слова и сидитъ на допросѣ, какъ нѣмой.

Сравнительно рѣдко придерживаются послѣдовательно одной и той же тактики въ теченіе всѣхъ допросовъ. Обыкновенно соединяютъ нѣсколько пріемовъ: напр., на нѣкоторые вопросы отказываются отвѣчать, нѣкоторыя обвиненія отрицаютъ, кое-что стараются объяснить. Однако, удобнѣе разсмотрѣть всѣ пріемы въ чистомъ видѣ.

Всѣ эти пріемы можно собрать въ три группы:

А) Откровенная дача показаній съ той или иной цѣлью (1, 2, 3, 4 и 5). В) Дача показаній съ цѣлью выгородить кого можно (6). С) Уклоненіе отъ дачи показаній (7, 8 и 9).

VI. Откровенная дача показаній.

1) Всякое сообщеніе о революціонной дѣятельности своей или своихъ товарищей, будь то съ цѣлью устрашенія, убѣжденія или обличенія (1, 2, 3, 4 и 5), я считаю не только глупымъ, но прямо таки преступнымъ. Устрашить правительство (1) могутъ не гром-

кія слова, а дѣйствительныя силы противниковъ. Наше правительство слишкомъ сильный врагъ, чтобы противъ него бороться такими дѣтски-наивными средствами. Что касается убѣжденія и обличенія (3 и 4), то мнѣ кажется нелѣпой всякая мысль перевоспитать людей, которыхъ я считаю самыми гнусными, наемными палачами. Тотъ, кто не хочетъ передъ лицомъ нашихъ враговъ отречься отъ своей вѣры (2), мнѣ кажется, могъ бы найти способъ, болѣе соотвѣтствующій не только интересамъ этой вѣры, но и достоинству борца за идеалы, за убѣжденія. Подтвержденіе вредныхъ для дѣла показанія товарищей (5) тоже нелѣпо. Какой именно вредъ это можетъ принести, довольно ясно. Впрочемъ, этого вопроса мнѣ еще придется коснуться тамъ, гдѣ будетъ идти рѣчь о дѣятельности провокаторовъ, такъ какъ къ тактикѣ признанія прибѣгаютъ особенно часто именно въ тѣхъ случаяхъ, когда убѣдятся, что жандармерія освѣдомлена о дѣлѣ черезъ провокаторовъ.

О выгодахъ, которыя хотятъ извлечь изъ этой тактики, можно говорить только тѣмъ, кто хочетъ добиться довѣрія къ своимъ показаніямъ и потомъ путемъ „объясненій„ спрятать по возможности концы. Поэтому я, признающій эти надежды призрачными, наивными, чтобы не сказать безумными, ничѣмъ не могу оправдать тактику подтвержденія. Впрочемъ, я думаю, что этихъ пріемовъ никто не станетъ защищать принципіально: къ нимъ прибѣгаютъ не по обдуманному плану, а подъ вліяніемъ чувства.

Адвокатъ, докторъ, инженеръ, офицеръ, жандармскій полковникъ, прежде чѣмъ приступить къ своей дѣятельности, тратитъ много лѣтъ на то, чтобы вооружить себя опытомъ своихъ предшественниковъ. Усвоивъ опредѣленные пріемы, они строго придерживаются ихъ, независимо отъ своего настроенія. Что сказали бы о докторѣ, который, раздражившись капризами больного, отступилъ бы отъ выработанныхъ медициной правилъ? Почему же мы не обдумываемъ заранѣе своихъ отвѣтовъ жандармамъ, а когда насъ ставятъ въ условія, которыхъ не выдерживаютъ нервы, мы цѣлыми фонтанами изливаемъ желчь, накопившуюся за нѣсколько лѣтъ кропотливой и мелочной, а потому утомительной борьбы, и предаемъ сами себя и другъ друга нашимъ врагамъ? Борются за существованіе семейства растеній изъза солнечнаго свѣта, виды животныхъ — изъ-за пищи, людскія племена—изъ-за территорій, общественные классы—изъ-за власти, но нѣтъ безумныхъ, самоистребительныхъ формъ борьбы — за однимъ единственнымъ исключеніемъ: морская звѣзда разрываетъ на части свое тѣло, какъ только человѣкъ осмѣлится оскорбить ее своимъ прикосновеніемъ. Мы выбираемъ именно эту форму „борьбы“! Въ этомъ сказывается наша слабость, отсутствіе воспитанія, дисциплины. Намъ надо учиться у нашихъ враговъ. Посмотрите, какъ сдержаны, какъ тактичны жандармскіе пол-

ковники! Вы можете бросить имъ въ глаза какое угодно оскорбленіе — они не вспылятъ; вы можете говорить съ ними какъ угодно рѣзко—они будутъ съ вами тѣмъ почтительнѣе; вы можете поймать ихъ на словѣ и уличить въ противорѣчіи, во лжи, въ глупости — они не будутъ защищаться, они замолчатъ и не проронятъ ни одного слова...

О! Они хорошо вымуштрованы! Если мы не можемъ съ ними говорить такъ же хладнокровно въ силу тѣхъ условій, въ которыя насъ ставятъ, такъ же тактично въ силу отсутствія опыта и практики, то безумно съ нашей стороны вступать въ словопренія съ нашими врагами. Безумно — иного слова я не могу подсбрать!...

Одно изъ необходимыхъ условій, безъ которыхъ революціонное движеніе не можетъ сдѣлаться опаснымъ для существующаго порядка, есть дисциплина. Тактика, которой придерживаются революціонеры, попавшіе въ плѣнъ къ своимъ врагамъ, есть одинъ изъ моментовъ революціонной борьбы, и потому мы должны на допросахъ отвѣчать не подъ вліяніемъ минутнаго раздраженія и настроенія. Мы должны вести себя по заранѣе обдуманному плану.

Какъ же именно? Если откровенная дача показаній съ какою бы то ни было цѣлью (1, 2, 3, 4 и 5) должна быть признана нелѣпой, то остается выбрать одно изъ двухъ: или давать ложныя показанія съ цѣлью замести слѣды и локализировать погромъ (6), или уклониться отъ дачи показаній (7, 8, 9).

VII. Дача ложныхъ показаній.

„Объяснить“ свое знакомство съ тѣми или другими лицами случайными обстоятельствами или личными частными интересами; „объяснить“ найденные адреса и записки какими-нибудь вымышленными дѣловыми, легальными отношеніями; „объяснить“ присутствіе въ квартирѣ арестованнаго вещей, могущихъ служить революціоннымъ цѣлямъ житейскими потребностями, — вотъ та цѣль, которая побуждаетъ огромное большинство арестованныхъ вступать въ разсужденія съ жандармскими полковниками, прокурорами, вотъ — тѣ иллюзіи, миражи, вотъ — тѣ поистинѣ „безсмысленныя мечтанія“, которыя губятъ насъ и наше дѣло. Мнѣ досадно, что я не умѣю обрисовать пагубность этой тактики съ тою яркостью и наглядностью, съ какою она представляется мнѣ самому. Сдѣлать это тѣмъ труднѣе, что къ словамъ моимъ отнесутся съ предубѣжденіемъ — вѣдь мнѣніе о пользѣ „объясненій“ такъ распространено! Мы разсказываемъ даже то, что и въ голову не могло придти жандармскимъ пол-

ковникамъ; мы доходимъ до чудовищныхъ вещей: мы признаемъ себя виновными даже въ томъ, чего и не было. Я знаю нѣсколько такихъ фактовъ.

Удивительно-ли послѣ этого, что жандармскій полковникъ всегда отечески совѣтуетъ объяснить ему кое-что... въ интересахъ вашего дѣла, разумѣется! Вѣдь полковникъ только и хлопочетъ объ интересахъ вашихъ и вашихъ друзей! Мнѣ кажется, что уже одни такіе совѣты жандармовъ ручаются за то, что мы не должны пускаться въ „объясненія“.

Праздные люди часто забавляются игрушкой — солитеромъ. Это круглая деревянная доска, на которой сдѣлано 33 углубленія, куда кладутъ стекляные шарики; задача состоитъ въ томъ, чтобы удалить всѣ эти шарики съ доски, снимая каждый шарикъ, черезъ который получится возможность переставить другой шарикъ такъ, какъ это дѣлаетъ игрокъ въ шашки, когда желаетъ взять шашку своего противника. Значитъ, шагъ можно сдѣлать лишь тогда, когда есть пустыя углубленія. Хотя до начала игры свободнымъ оставляютъ только одно мѣсто, смѣло принимайтесь: какъ только снимите первый шарикъ, сразу представляется возможность взять два другихъ, послѣ чего будутъ обречены на гибель 4 слѣдующихъ. Опытный игрокъ въ нѣсколько минутъ сумѣетъ очистить доску...

Я не могу отдѣлаться отъ мысли, что мы, пускаясь въ „объясненія“ съ этими старыми лисицами, играемъ роль шариковъ, обреченныхъ одни за другими перейти въ руки ловкаго игрока. Убѣдившись въ революціонности одного изъ насъ, Д. П. смѣло арестуетъ 33-хъ, въ полной увѣренности, что мы шагъ за шагомъ, показаніе за показаніемъ выдадимъ другъ друга своею дикою тактикою, при которой каждое показаніе вынуждаетъ дать десять новыхъ. Я знаю двухъ лицъ, которыя сами записали въ протоколъ собственной рукой, что они — члены организаціи Народной Воли, хотя они всю свою короткую жизнь потратили на то, чтобы бороться съ Народной Волей съ ожесточенностью, на которую способна только молодость и которая возможна только въ моментъ появленія въ общественной жизни новаго теченія.

Можно-ли идти дальше этого? Но можно-ли ждать иного при той обстановкѣ, въ которой намъ приходится давать свои показанія?

Въ январѣ 1897 года въ Петропавловской крѣпости сидѣло 27 человѣкъ, а въ Домѣ Предварительнаго Заключенія около ста человѣкъ (см. „Наше Время“, выпускъ VI-ой). Полковникъ Шмаковъ и прокуроръ Кичинъ устроили кабинетъ въ одной изъ камеръ крѣпости и разгуливали среди заключенныхъ, какъ въ цвѣтникѣ. Въ иную камеру заходили по нѣсколько разъ въ день, иногда заходили въ 9-10 часовъ вечера, поэтому дѣвушки долж-

ны были ложиться спать, не раздѣваясь, рискуя увидѣть у себя ревностныхъ слѣдователей даже поздно вечеромъ. Нечего и говорить, какъ это отзывается на нервахъ. Каждое показаніе могло быть сопоставлено въ тотъ же день съ 20-тью показаніями другихъ лицъ, изъ которыхъ каждое изолировано отъ всѣхъ. Если бы всѣ сидящіе были семи пядей во лбу, то и тогда бы они не могли при этихъ условіяхъ перехитрить самаго заурядnаго слѣдователя, а между тѣмъ огромное большинство изъ насъ слишкомъ молоды, слишкомъ непрактичны, слишкомъ мало дисциплинированы; въ то время, какъ наши слѣдователи—зачѣмъ закрывать на это глаза?—старые, испытанные слуги деспотизма, вымуштрованные долгимъ опытомъ своимъ и своихъ предшественниковъ! Пусть даже кому-нибудь изъ насъ и удастся перехитрить полковника—это ни къ чему не поведетъ, всѣ его хитросплетенія разлетятся какъ карточный домикъ, при сопоставленіи съ десяткомъ показаній другихъ лицъ.

Говорятъ, что нерѣдко помощью „объясненій“ удается доказать невинность нѣкоторыхъ лицъ; жандармскіе полковники особенно любятъ приводить тому примѣры. Я и самъ знаю не мало такихъ случаевъ; но они еще ничего не доказываютъ. Надо рѣшить, въ какомъ отношеніи находится количество пользы, которое при этомъ можно извлечь, къ количеству вреда, неизбѣжно связаннаго съ этой тактикой.

Я старался доказать, какъ мало основаній имѣемъ мы надѣяться на успѣхъ при „объясненіяхъ“ съ жандармами.

Чтобы показать тѣ результаты, къ которымъ мы приходимъ на практикѣ, придерживаясь тактики „объясненія“, надо было бы обратиться къ фактамъ. — Къ сожалѣнію, не преданы гласности процессы послѣдняго десятилѣтія. Правительство поступило очень удачно, прекративъ печатаніе ихъ и превративъ самые процессы въ тайну.

Я не считаю себя вправѣ излагать эти факты здѣсь по многимъ причинамъ, и потому напомню только факты, которые въ свое время были всѣмъ извѣстны.

19 апрѣля 1894 г. по всей Россіи были произведены массовые обыски. Такого погрома не было со времени Лопатинскаго дѣла 84 г. Арестованы двѣ группы — Нар. Воли и Нар. Права. Послѣ 22-хъ мѣсяцевъ слѣдствія десятки лицъ пошли въ Сибирь. Какъ себя держали арестованные? Послушаемъ двухъ изъ участниковъ.

М. С. Александровъ, получившій наибольшее наказаніе — 3 г. одиночнаго заключенія, безъ зачета почти двухлѣтняго предварительнаго сидѣнія въ крѣпости, и 5 лѣтъ Якутской области,—былъ спрошенъ, что думаетъ онъ о показаніяхъ товарищей. Онъ отвѣтилъ: „Всѣ они давали честно свои показанія: я не хочу говорить о томъ, чьи показанія были вредны, потому что этотъ вредъ былъ

нанесенъ безсознательно и вопреки желанію". (Провокаторъ — рабочій Василій Кузмичъ могъ выдать сравнительно немного).

Между тѣмъ, вотъ что говорилъ другой изъ товарищей: „Простите, господа, но я и васъ всѣхъ подозрѣвалъ въ предательствѣ! Каждый разъ, возвращаясь съ допроса, я мучился мыслью: кто могъ выдать такъ умѣло, такъ полно? Вотъ это было извѣстно только X—значитъ, онъ предатель! Но нѣтъ, онъ не зналъ того-то, значитъ, выдалъ и Z, но онъ не зналъ вотъ этого... и т. д." Разсказывавшій перечислилъ всѣхъ товарищей по очереди и дошелъ до тѣхъ, кто стояли въ центрѣ и были внѣ всякихъ подозрѣній... Не проще-ли объясняется дѣло? Никто не выдалъ, но... многіе „объясняли", что ничего преступнаго не было!..

Въ іюлѣ 1896 г. (особенно 16-го и 28-го) были произведены аресты въ Петербургѣ, Кіевѣ, Одессѣ и другихъ городахъ. Взято до 70-ти человѣкъ и типографія (Лахтинская). Офицеръ Ергинъ злостно выдавалъ, но онъ никогда бы не могъ нанести такихъ ужасныхъ потерь организаціи, которая такъ много сдѣлала за свое двухлѣтнее существованіе, если бы... не „объясненія".

Въ ноябрѣ распространилась по Питеру ужасная вѣсть: одно лицо, которому всѣ безусловно довѣряли, обвинялось въ предательствѣ. Многіе петербургскіе товарищи съ негодованіемъ отнеслись къ тѣмъ, кто передавалъ эти слухи. Но къ несчастью, все отъ новыхъ и новыхъ товарищей приходили изъ тюрьмы тяжелыя обвиненія. Былъ организованъ товарищескій судъ, который выяснилъ, что о предательствѣ не можетъ быть и рѣчи. Послѣдовавшій за тѣмъ суровый приговоръ правительства, подтвердилъ это мнѣніе. Много было обстоятельствъ, способствовавшихъ слѣдователямъ раскрыть дѣло во всѣхъ деталяхъ, но самымъ ужаснымъ безусловно были „объясненія". „Я отрицалъ свою виновность въ чемъ бы то ни было", пишетъ одинъ изъ товарищей, сосланный по этому дѣлу, „но что приказали бы Вы мнѣ дѣлать, когда мнѣ прочитали показанія 40 человѣкъ, направленныя противъ меня?". Этотъ товарищъ, однако, относится съ удивительной теплотою и любовью ко всѣмъ этимъ лицамъ.— И еще бы! вѣдь всѣ они не только не выгораживали себя, но напротивъ, принимали на себя больше вины, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ, и выгораживали другихъ, но... они „объясняли"!...

Весной 1897 г. появилось въ Петербургѣ гектографированное заявленіе, что Ш. выдавала. Лица, пострадавшія отъ показаній Ш., разрѣшили мнѣ засвидѣтельствовать, что они убѣждены, что это невѣрно. Преувеличивая и дѣйствительно преувеличивъ свою виновность, Ш. „объясняла" факты съ цѣлью выгородить товарищей, принимая многое на себя; она даже признала себя террористкой, хотя на самомъ дѣлѣ ею не была.

Выписываю „Заявленіе", напечатанное въ № 8-мъ „Листка

Работника“ (стр. 42), по поводу варшавскаго студента Гольдберга:

„Нѣсколько лицъ, подвергшихся аресту по одному дѣлу съ бывшимъ варшавскимъ студентомъ Гольдбергомъ, въ настоящее время находящимся на поселеніи въ Вост. Сибири, рѣшили обратиться къ ред. „Листка Работника“ и „Летуч. Листковъ Фонда Вольной Русской Прессы“ съ просьбой напечатать въ ближайшемъ номерѣ этихъ изданій слѣд. заявленіе:

Ближе всѣхъ другихъ знакомые со всѣми подробностями дѣла Гольдберга, они заявляютъ, что хотя имъ и пришлось пострадать отъ показаній, которыя далъ Гольдбергъ, тѣмъ не менѣе они убѣждены, что эти показанія онъ давалъ не съ цѣлью выгородись себя, а въ состояніи сильнаго нервнаго разстройства. Этими показаніями онъ не только не выгораживалъ себя, но наоборотъ, запуталъ себя больше всѣхъ. Послѣ того, какъ онъ пришелъ въ себя, онъ взялъ обратно всѣ свои показанія, компрометтировавшія его товарищей, за что онъ былъ наказанъ больше всѣхъ и сосланъ на пять лѣтъ въ Вост. Сибирь. Товарищи по дѣлу Гольдберга продолжаютъ относиться къ нему, несмотря на случившееся, какъ къ человѣку честному и заслуживающему уваженія“.

А между тѣмъ товарищи въ Енисейскѣ цѣлый годъ не хотѣли имѣть съ Г. никакого дѣла и даже перестали подавать руку одному изъ заболѣвшихъ товарищей за то, что тотъ не отклонилъ заботъ Г. во время своей болѣзни. Съ моей точки зрѣнія — они были правы: мы именно такъ должны относиться къ измѣнникамъ. Что дѣлать, если при этомъ возможны иногда ужасныя ошибки? А если „объясненія“ оказываются настолько вредными, что честный, уважаемый товарищъ можетъ быть принятъ за предателя, то чтобы рѣшиться на нихъ, надо быть преступно смѣлымъ.

6-го іюля 95 г. въ Москвѣ было арестовано 8 интеллигентовъ и 40 рабочихъ. Почти всѣ были скоро выпущены, но въ ночь съ 10-го на 11-е ноября массовые аресты повторились. Послѣ этого *шестеро* изъ арестованныхъ 6 іюня были обвинены въ провокатурѣ. Помимо того, что фактъ этотъ положительно невѣроятенъ, многіе изъ пострадавшихъ, категорически отклоняли такія подозрѣнія. Они думаютъ, что все дѣло въ томъ, что товарищи неумѣло давали показанія.

Неумѣло, неумѣло! Если 10 лѣтъ подрядъ всѣми сплошь даются неумѣлыя показанія, то не пора ли задаться вопросомъ, можетъ ли „умѣнье“ средняго изъ насъ противостоять всѣмъ преимуществамъ слѣдователя, возможно ли „умѣло“ давать „объясненія“?!

Но если отказаться отъ этой системы, то что же остается? Остается совсѣмъ уклоняться отъ показаній.

VIII. Уклоненіе отъ дачи показаній.

Для того, чтобы нагляднѣе показать результаты уклоненія отъ дачи показаній, надо предположить, что *всѣ*, арестованные по данному дѣлу, откажутся дать показанія, хотя это на практикѣ не можетъ случиться—исключенія всегда бываютъ! Итакъ, вотъ къ чему теперь сводится вопросъ: если мы откажемся отъ объясненій и будемъ уклоняться давать показанія, какъ это отзовется на судьбѣ каждаго изъ насъ въ отдѣльности и какія будетъ это имѣть послѣдствія для нашего дѣла?

Раздѣлимъ всѣхъ арестованныхъ на группы съ точки зрѣнія нашихъ враговъ, на основаніи данныхъ, собранныхъ до начала допросовъ. а) Въ виновности однихъ жандармы не сомнѣваются. Предположимъ, что у этихъ лицъ найденъ шрифтъ, книжный складъ или серьезно компрометтирующія письма къ нимъ или отъ нихъ. б) Виновность другихъ весьма вѣроятна, хотя никакихъ опредѣленныхъ уликъ нѣтъ. Напр., лица, адреса которыхъ былы зашифрованы у лицъ несомнѣнно виновныхъ, фамиліи которыхъ были занесены въ компрометирующіе списки и пр. с) Относительно виновности третьихъ не имѣется рѣшительно никакихъ данныхъ (лица, арестованныя только потому, что по показаніямъ шпіоновъ были знакомы съ лицами подозрительными).

а) Тактика уклоненія отъ показаній несомнѣнно тягостно отзовотся на группѣ лицъ завѣдомо виновныхъ. Не имѣя возможности инымъ путемъ распутать нити, правительство, конечно, не остановится ни передъ чѣмъ. Недавно я читалъ письма одного изъ сидящихъ въ Петропавловской крѣп.; эта тюрьма описывалась какъ образцовая. Авторъ писемъ совершенно правъ, если онъ имѣлъ въ виду 72 камеры 2-хъ этажей бастіона князя Трубецкаго. Если члены тюремнаго съѣзда осматривали эти камеры, то не удивительно, что они признали русскія тюрьмы образцовыми. Но кромѣ этихъ камеръ, если даже не вспоминать проклятой памяти Алексѣевскаго равелина, въ томъ же бастіонѣ есть еще подвальный этажъ. Туда сажаютъ вмѣсто карцера; достаточно посидѣть въ немъ 2-3 дня, чтобы заболѣть. Студентъ Пазухинъ (арест. 21—III 1897 г.) отъ этого карцера сошелъ съ ума. Антоновъ, теперь сидящій въ Шлиссельбургѣ, пытался задушиться. Вотъ въ какую камеру былъ посаженъ Астыревъ. Почему? Да потому, что опричники были увѣрены, что онъ знаетъ, гдѣ находится типографія, печатавшая прокламаціи, авторомъ которыхъ онъ считался (91—92 г. Подпись—„Мужицкіе доброхоты“). Астыревъ подалъ заявленіе въ Д. П., что въ камерѣ, въ которой его посадили, нельзя жить. Послѣдовалъ отвѣтъ короткій и ясный:

„Скажите намъ, гдѣ типографія, и мы Васъ немедленно переведемъ.“

Параличъ лишилъ его возможности не только двигаться, но даже открывать глаза безъ посторонней помощи. Доктора объявили, что ему остается жить нѣсколько недѣль, и тогда его выпустили на волю (см. отчетъ Кр. Креста по поводу 10-ой годовщины его существованія).

Много писали о пыткахъ надъ испанскими анархистами, надъ македонскими подданными Абдулъ-Гамида. Намъ нечего обманывать себя: русское правительство не отказывалось и не отказывается отъ пытокъ, хотя бы и не формальныхъ, и если оно къ нимъ прибѣгаетъ сравнительно рѣдко, то между прочимъ, потому, что и пытками не удалось бы опричникамъ выжать изъ насъ такихъ показаній, которыя мы даемъ, благодаря изысканно любезному обращенію съ нами. Тамъ же, гдѣ это полезно, жандармы не гнушаются пускать въ ходъ кулакъ: лодзинскихъ рабочихъ во время слѣдствія били, вырывали у нихъ усы, выбивали зубы; одесситовъ за упорное молчаніе лишали на пять мѣсяцевъ прогулки; екатеринославскихъ рабочихъ везли съ кандалами на рукахъ (см. прокламацію „Груп. объединенія народныхъ силъ“, Москва 97 г.).

Новицкій грозилъ одному семинаристу, что высѣчетъ его. Когда раб. Морозовъ отказался отвѣчать на нѣкоторые вопросы, Новицкій послалъ его въ „сибирку“, помѣщеніе въ подвальномъ этажѣ для пьяницъ; тамъ арестанты избили его до полусмерти на глазахъ полиціи, смотрѣвшей на эту сцену въ окошко. Цѣлый день ему не давали ѣсть и послѣ этого позвали на допросъ. Онъ снова ничего не сказалъ; тогда Новицкій снова отправилъ его въ „сибирку“ (См. „Работникъ“, № 3-4, стр. 173).

Почти въ каждомъ процессѣ есть нѣсколько лицъ, взятыхъ съ поличнымъ; на нихъ, конечно, выльется злоба жандармеріи, если она будетъ лишена возможности раскрыть всѣхъ причастныхъ къ дѣлу членовъ и выяснить самое дѣло. Теперь такихъ лицъ ссылаютъ обыкновенно на 8 лѣтъ въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири. Кромѣ того, часто прибавляютъ 1, 2, 3 года одиночнаго заключенія. Какъ же измѣнятся эти приговоры въ разбираемомъ случаѣ? Эти лица лишаются возможности дѣйствовать и жить нормально на такой долгій промежутокъ времени, что удлиненіе его на нѣсколько лѣтъ уже не будетъ имѣть особаго значенія. Впрочемъ, къ этому едва-ли прибѣгнетъ правительство. Если революціонеровъ не останавливали десять лѣтъ ссылки, то могутъ-ли остановить 15? Вѣроятнѣе, что станутъ чаще и щедрѣе на-

*) Въ „Работникѣ“ ошибочно отнесено это къ Поливанову. Новѣйшія событія въ Вильнѣ, Екатеринославѣ и на Уралѣ показываютъ насколько эта угроза не далека была отъ дѣйствительности.

граждать „Крестомъ“. Не прибѣгнутъ-ли тогда къ суду, чтобы приговаривать къ каторгѣ и лишенію всѣхъ правъ состоянія а слѣдовательно, отнимать у ссылаемыхъ надежду на возвращеніе къ дѣятельности? Можно отвѣтить почти навѣрное, что нѣтъ. Судъ, хотя бы и царскій, не можетъ наказать безъ формальныхъ доказательствъ виновности. Когда ихъ не было, жандармы находили все же необходимымъ добыть ихъ хотя бы цѣной лжесвидѣтельствъ (напр. проц. 29, см. опис. этого процесса въ изданіи И. В.), а это далеко не всегда удобно и возможно. Кромѣ того, пришлось бы изъ всей массы привлеченныхъ покарать всего нѣсколькихъ лицъ, причемъ не было бы никакой гарантіи, что это и есть самые опасные люди; наоборотъ, книжный складъ и даже типографія нерѣдко устраиваются въ квартирѣ лицъ, не стоящихъ въ центрѣ организаціи. Противъ руководителей же далеко не всегда существуютъ улики вещественныя. Въ виду всего этого участь лицъ, арестованныхъ съ вещественными доказательствами ихъ революціонной дѣятельности, будетъ такова: время предварительнаго слѣдствія, будетъ тянуться дольше, чѣмъ теперь, напр., года четыре (какъ тому и были примѣры: проц. 193, проц. Лопатина и пр.), а затѣмъ ихъ будутъ приговаривать до ссылки къ одиночному заключенію, потомъ обычныя 8 лѣтъ ссылки.

Процентъ смертности, самоубійствъ, сумашествій увеличится. Судьба этихъ лицъ ухудшится, но такъ какъ они и безъ того были бы надолго оторваны отъ дѣла, то на интересахъ дѣла это несомнѣнно отразится мало.

б) Какъ отзовется тактика уклоненія отъ дачи показаній на лицахъ второй группы? Не будетъ никихъ несомнѣнныхъ доказательствъ ихъ виновности, приговаривать такихъ лицъ къ ссылкѣ правительство не рѣшится, потому что среди нихъ есть много завѣдомо неповинныхъ людей. Правда, одиночное заключеніе въ формѣ заключенія предварительнаго для нихъ, конечно, увеличится. Для лицъ этой группы, какъ и для лицъ группы А, увеличится и процентъ несчастныхъ случаевъ, но эти жертвы есть та дорогая цѣна, которою только мы и можемъ покупать облегченіе судьбы нашихъ товарищей: правительство боится этихъ несчастныхъ „случаевъ“, они возбуждаютъ общество, и оно прилагаетъ удивительно много старанія, чтобы дѣйствовать безъ шуму, шито-крыто, подъ сурдинкой. Послѣ трагической смерти Вѣтровой въ Петропавл. Крѣпости были произведены существенныя улучшенія и, не смотря на это, когда полковникъ Шмаковъ потребовалъ перевода въ крѣпость изъ Дома Предварительнаго заключенія нѣсколькихъ дѣвушекъ, арестованныхъ въ мартѣ 1898 г., Д. П. на это согласія не далъ, — значитъ, боялся дать, такъ какъ никто не заподозритъ г. Зволянскаго въ великодушіи или гуманности. Такимъ образомъ учащеніе несчастныхъ случаевъ положитъ предѣлъ дальнѣйшему увеличенію срока, такъ называ-

емаго „предварительнаго“ заключенія. Нѣкоторыя лица этой группы при тактикѣ „объясненія“ отправились бы въ ссылку, при новой тактикѣ они *всѣ*, а не нѣкоторые только. подвергнутся фактически одиночному заключенію. Наказаніе экстенсивное уступитъ мѣсто наказанію интенсивному; для многихъ это будетъ имѣть роковой исходъ, но дѣлу это скорѣе, чѣмъ прежде, вернетъ многихъ работниковъ.

Перехожу, наконецъ, къ третьей группѣ лицъ, о преступности которыхъ у жандармовъ до допросовъ нѣтъ никакихъ данныхъ.

с) Теперь эта группа быстро дѣлится на двѣ части. Послѣ первыхъ допросовъ причастность однихъ къ революціонной дѣятельности слегка обнаруживается, относительно другихъ по-прежнему не находится никакихъ данныхъ, и потому ихъ торопятся выпустить. Это настолько обычное явленіе, что въ нѣкоторыхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ выработалось правило не отсылать градоначальнику документовъ послѣ ареста студента въ теченіе двухъ недѣль. При новой тактикѣ этого не будетъ. Всѣхъ уклоняющихся отъ дачи показаній, конечно, будутъ держать нѣкоторое время въ тюрьмѣ. Однако, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ придется ихъ выпустить. Нельзя же долго держать въ тюрьмѣ нѣсколько десятковъ лицъ, противъ которыхъ нѣтъ рѣшительно накакихъ данныхъ, относительно которыхъ Д. П. на основаніи его опыта, лучше чѣмъ кому-нибудь извѣстно, что среди нихъ есть очень большой процентъ лицъ дѣйствительно не виновныхъ. Такимъ образомъ и для этой группы періодъ одиночнаго заключенія увеличится; для отдѣльныхъ лицъ это опять-таки будетъ тягостнымъ и даже роковымъ, но для большинства это будетъ полезно.

Въ такихъ странахъ, какъ Россія, тюрьма не есть только одно изъ золъ, тюрьма — это также нашъ храмъ, гдѣ мы поневолѣ углубляемся въ самихъ себя и воспитываемъ самихъ себя; извѣстно, что самая важная мозговая работа совершается не тогда, когда мы изслѣдуемъ факты или изучаемъ книгу, а тогда, когда умъ нашъ повидимому отдыхаетъ, бездѣйствуетъ послѣ наблюденій и изученія. Изолировать человѣка на нѣсколько мѣсяцевъ отъ всѣхъ внѣшнихъ впечатлѣній и сосредоточить его мысли на опредѣленной сферѣ вопросовъ,—развѣ это не благодѣтельно? Именно въ этой обстановкѣ логическія заключенія, усвоенныя изъ книгъ или полученныя какъ выводъ изъ наблюденій фактовъ, претворяются, такъ сказать, въ убѣжденіе, вѣру. Я не забываю, что это покупается цѣною жизней нашихъ товарищей, но что же дѣлать, если иною цѣною мы не можемъ купить священнаго огня, когда русскія условія борьбы и жестокость нашихъ враговъ требуютъ жертвъ?.. Счастливы тѣ страны, гдѣ чувство гражданскаго долга воспитывается въ гражданахъ свободной прессой, сходками, клубами, демонстраціями; у насъ этого нѣтъ и тюрьма является су-

ровымъ, но почти единственно возможнымъ коррективомъ, и никогда еще не случалось, чтобы жестокія кары останавливали революціонное движеніе. Наконецъ, тюрьма есть тотъ тяжкій млатъ, который, дробя стекло, куетъ булатъ: тотъ, кто окажется слабымъ тѣломъ или духомъ, пусть удалится отъ дѣятельности, тюрьма будетъ для него пробнымъ камнемъ. Свобода ни въ одной странѣ не была добыта безъ жертвъ.

Надо упомянуть еще объ одной группѣ лицъ, о тѣхъ, кто былъ бы арестованъ во время слѣдствія, на основаніи данныхъ, полученныхъ на допросахъ. Теперь эти лица не будутъ арестованы, такъ какъ никакихъ новыхъ данныхъ получено не будетъ.

Итакъ, если бы въ какомъ нибудь процессѣ всѣ стали придерживаться тактики уклоненія отъ дачи показаній то тѣ, кто теперь остается безнаказаннымъ, отсидѣли бы болѣе или менѣе продолжительное время въ одиночномъ заключеніи (можетъ быть, мѣсяцевъ 6, 8, 10); большинство тѣхъ, которые теперь идутъ въ ссылку на 3—5 лѣтъ послѣ предварительнаго заключенія, длящагося обыкновенно около года или года съ четвертью, тогда отсидѣли бы въ предварительномъ заключеніи или тѣ же 6—10 мѣс., если о нихъ до допросовъ не было никакихъ данныхъ, — или болѣе, можетъ быть, до 2-хъ лѣтъ, если были основанія подозрѣвать ихъ въ близкихъ сношеніяхъ съ людьми подозрительными, хотя никакихъ опредѣленныхъ данныхъ о характерѣ этихъ сношеній не имѣютъ. Въ общемъ установится, такъ сказать, круговая порука. Исключеніе составитъ небольшая группа лицъ, относительно виновности которыхъ будутъ имѣться несомнѣнныя данныя или въ видѣ взятыхъ при арестѣ вещественныхъ доказательствъ революціонной дѣятельности, или въ видѣ документовъ: писемъ или зашифрованныхъ записей. На нихъ обрушится вся тяжесть, они понесутъ во всякомъ случаѣ не меньшія наказанія, а вѣроятнѣе, большія, чѣмъ теперь, а между тѣмъ предварительное слѣдствіе для нихъ сильно затянется и можетъ быть будетъ обставлено худшими, чѣмъ теперь, условіями.

Такъ отразится эта тактика на насъ лично. Какое же вліяніе будетъ она имѣть на наше дѣло, на ходъ революціонной борьбы? Всѣ, привлекаемыя къ допросу лица, могутъ быть раздѣлены съ нашей точки зрѣнія на три группы:

1) Лица, арестованныя случайно и совершенно непричастныя къ революціонному движенію. 2) Люди, хотя и оказывавшіе намъ содѣйствіе, мелкія услуги, но не принимавшіе серьезнаго участія въ данномъ дѣлѣ. 3) Лица, стоявшія непосредственно у дѣла.

Интересы лицъ первой группы не имѣютъ ничего общаго съ интересами дѣла. Принятіе революціонной или другой тактики на допросахъ будетъ имѣть для нихъ чисто субъективное значеніе. Должны-ли мы, вырабатывая свою тактику, принимать во вниманіе интересы лицъ этой группы? Я думаю, что нѣтъ. Каж-

дый гражданинъ, уже своимъ безучастіемъ къ интересамъ рабочаго народа и злобамъ дня общественно-политической жизни поддерживаетъ существующій порядокъ. Поэтому кто не борется съ правительствомъ, есть его убѣжденный или безсознательный союзникъ и, слѣдовательно, недругъ революціонеровъ. Мы еще можемъ относиться безъ вражды къ безсознательнымъ союзникамъ самодержавія, но мы не обязаны охранять интересы этихъ людей въ ущербъ интересамъ дѣла, для насъ святого. Почему мы обязаны губить самихъ себя, чтобы только не пострадали эти господа? Развѣ по нашей винѣ они арестуются? Если правительство въ борьбѣ со своими врагами хватаетъ своихъ вѣрноподданныхъ, то мы не обязаны приходить къ нимъ на помощь, выручая ихъ своими боками. Наоборотъ, если мы, вызволяя изъ тюрьмы вѣрноподданныхъ, рискуемъ повредить хотя бы одному изъ нашихъ товарищей, то нашъ образъ дѣйствій долженъ быть признанъ прямо-таки преступнымъ противъ нашего дѣла.

Вопросъ осложняетя для остальныхъ группъ. Личный интересъ нашихъ людей—выйти сухими изъ воды — совпадаетъ съ интересами дѣла, такъ какъ для насъ важно сохраненіе каждаго изъ нашихъ товарищей. Но если для отдѣльнаго лица важно, сколько времени просидитъ въ тюрьмѣ лично онъ, то для дѣла имѣетъ значеніе главнымъ образомъ величина всей суммы наказаній.

На военномъ совѣтѣ не обсуждаютъ вопросовъ, будетъ-ли убитъ Ивановъ или Петровъ. Обсуждая тотъ или иной стратегическій планъ, заботятся только о томъ, чтобы изъ строя выбылъ какъ можно меньшій процентъ бойцовъ.

Если будетъ принята тактика уклоненія отъ дачи показаній, то сумма новыхъ данныхъ у жандармовъ за извѣстный періодъ времени будетъ гораздо меньше. Такъ какъ продолжительность отдѣльнаго процесса, отдѣльнаго звена въ цѣпи революціонной борьбы удлиняется, то разгромы потеряютъ свой хроническій характеръ; отъ одного погрома до другого будетъ проходить большій промежутокъ времени, мы сумѣемъ больше сдѣлать и больше наловчиться.

Предположимъ, что произойдетъ погромъ: жандармы арестуютъ всѣхъ подозрительныхъ лицъ; революціонеры, оставшіеся не арестованными, будутъ спокойно продолжать свою дѣятельность, —вѣдь они знаютъ, что если, съ одной стороны, до сихъ поръ о нихъ не было у жандармовъ никакихъ свѣдѣній (иначе они были бы арестованы), то съ другой стороны, ихъ врагамъ не легко будетъ получить новыя свѣдѣнія, такъ какъ всѣ арестованные уклонятся дать показанія и, слѣдовательно, независимо ни отъ своихъ способностей, ни отъ своего настроенія не сдѣлаютъ никакихъ ошибокъ. Слѣдствіе будетъ длиться года 2-3, и такъ какъ не будетъ получено свѣдѣній, почерпаемыхъ изъ допросовъ, то

не будетъ основанія намѣтить новую группу подозрительныхъ лицъ, будущихъ участниковъ новаго процесса. Для новыхъ арестовъ придется добывать свѣдѣнія такъ, какъ будто Д. П. только-что вновь начинаетъ свою дѣятельность.

Между двумя звеньями цѣпи не будетъ никакой связи—цѣпь будетъ прервана.

IX. Какъ же держать себя на допросахъ?

Въ началѣ этой брошюры я поставилъ вопросъ, какъ удлинить періодъ дѣятельности русскихъ революціонеровъ. Я старался обосновать свое убѣжденіе, что періодъ этотъ значительно увеличится, если будетъ принята тактика уклоненія отъ дачи показаній. Я разсмотрѣлъ идеальный случай, когда всѣ арестованные строго придерживаются одной опредѣленной тактики. На практикѣ, конечно, это невозможно: всегда найдутся люди, у которыхъ шкурный инстинктъ слишкомъ силенъ для того, чтобы они стали держать себя на допросахъ, руководствуясь исключительно пользой революціоннаго дѣла.

Отъ этого, конечно, ослабѣетъ благотворное вліяніе уклоненія отъ дачи показаній большинства привлеченныхъ къ слѣдствію, но ошибки и даже предательство отдѣльныхъ лицъ рѣдко могутъ имѣть роковой исходъ для организаціи, хотя, конечно, тяжело отзовутся на товарищахъ отступника или предателя.

Я до сихъ поръ ничего не говорилъ о провокаторахъ; это потому, что мнѣ кажется, что дѣятельность провокатора не приноситъ нашимъ врагамъ качественно новыхъ данныхъ о насъ: часть услугъ, оказываемыхъ Д. П. провокаторами, аналогична услугамъ шпіоновъ, другая часть — услугамъ предателя. Однако, въ лицѣ провокатора шпіонство и предательство усиливаютъ другъ друга. Если дѣло провокатора запутается, онъ прибѣгаетъ къ помощи сыщиковъ черезъ посредство Д. П., тѣ сообщаютъ ему о знакомыхъ тѣхъ лицъ, которые сумѣли законспирировать своихъ друзей. Обогащенный этими свѣдѣніями, провокаторъ расширяетъ свои связи и получаетъ возможность дать новую работу сыщикамъ и т. д.

Въ виду всего этого разрушительность дѣятельности провокатора страшно велика. Вопросъ о томъ, какъ намъ оградить себя въ возможной мѣрѣ отъ этого зла, заслуживаетъ тщательнаго изученія и обсужденія; онъ имѣетъ свою исторію. Я его только намѣчаю въ ряду другихъ вопросовъ: о шифрахъ, о способахъ скрываться отъ шпіоновъ и проч. Здѣсь мнѣ важно только отмѣ-

тить, что разъ уже пущенъ козелъ въ огородъ, то если можно что-либо сдѣлать, то только тактикой уклоненія отъ дачи показаній.

Вѣдь если слѣдователь вооруженъ показаніями провокатора, то надежда ввести его въ заблужденіе своими объясненіями становится еще болѣе фантастичной. А между тѣмъ пока показанія провокатора не подтверждаются иными данными, имъ, вообще говоря (я вездѣ разсуждаю объ общихъ случаяхъ, а не объ исключительныхъ), не можетъ быть придано особое значеніе. Часто разсуждаютъ такъ: ужъ если имъ этотъ фактъ извѣстенъ, то безполезно отрицать его; все равно жандармы скорѣе повѣрятъ провокатору, чѣмъ намъ. Удивительно, какъ можетъ не бросаться въ глаза нелѣпость этой мысли! Если бы наши показанія были излишни, развѣ же они стали бы возиться съ нами, какъ они это дѣлаютъ теперь? Пусть-ка Д. П. ссылаетъ арестованныхъ на угадъ, лишь на основаніи одной этой наемной сволочи шпіоновъ и провокаторовъ. Пусть! Намъ этого нечего бояться. Хуже того, что есть, не будетъ, потому что не можетъ быть. Если бы Д. П. сталъ ссылать насъ не только безъ суда, но и безъ слѣдствія, то это отозвалось бы на сотняхъ лицъ изъ числа тѣхъ арестованныхъ на удачу, которые теперь выпускаются черезъ 2-3 недѣли и слишкомъ часто оказываются, дѣйствительно, ни въ чемъ невиновны. Это значило бы постоянно возбуждать общество, вербовать сторонниковъ нашимъ идеямъ, это значило бы возстановить „слово и дѣло“. Незачѣмъ выставлять дураками нашихъ враговъ! Они этого не сдѣлаютъ. Они нуждаются въ нашихъ показаніяхъ, и потому мы не должны давать показаній.

Но возможно-ли добиться того, чтобы большинство привлеченныхъ рѣшилось придерживаться этой тактики? Если возможно, то какъ это сдѣлать? Не случится-ли, что всѣ непричастныя къ дѣлу лица дадутъ показанія и будутъ выпущены, а тѣ, кто станетъ уклоняться отъ дачи показаній, тѣмъ самымъ докажутъ свое сочувствіе дѣлу, по которому они привлекаются? Надо помнить, что возведеніе въ принципъ опредѣленной тактики на допросахъ не ново. Изъ всѣхъ политическихъ движеній русскаго народа или отдѣльныхъ его слоевъ самымъ важнымъ для насъ является, конечно, движеніе 70-хъ годовъ и въ особенности организація Народной Воли. Какъ бы мы ни относились къ отдѣльнымъ пунктамъ ея программы, съ нашей стороны было бы безразсудно не воспользоваться опытомъ нашихъ старшихъ братьевъ. Каждый революціонеръ, поступавшій въ какую бы то ни было организацію этой партіи, обязывался на допросахъ, въ случаѣ ареста, придерживаться опредѣленной, а потому всѣмъ заранѣе извѣстной тактики. Я считаю немаловажнымъ аргументомъ въ пользу защищаемой мною тактики то обстоятельство, что Н. В. требовала, чтобы члены ея партіи придерживались именно

этой тактики. Они обязывались въ случаѣ ареста отказаться давать какіе бы то ни было показанія.

Тактика эта была испро-бована организаціей, игравшей такую важную роль въ исторіи революціоннаго движенія въ Россіи. Я радъ былъ узнать, что виднѣйшіе представители этой партіи, оставшіеся въ живыхъ, и теперь, послѣ столькихъ испытаній, считаютъ эту тактику единственно умѣстной въ нашей борьбѣ. Въ сущности только члены организаціи брали на себя обязательство въ случаѣ ареста отказаться давать показанія, но фактически такъ вести себя должны были всѣ арестованные. Какъ только было признано и оглашено, что всякіе разговоры съ жандармами пагубны для дѣла и для друзей говорящаго, то, конечно, каждый, кто рѣшался на свой личный рискъ и страхъ пускаться въ объясненія съ жандармами, являлся человѣкомъ, рискующимъ чужой безопасностью, и потому нечестнымъ. Наоборотъ, всякій честный человѣкъ, даже и непричастный къ революціонной дѣятельности, долженъ былъ считать себя нравственно обязаннымъ не давать показаній, зная, что дача показаній признается компетентной организаціей пагубной для людей, судьбой которыхъ долженъ дорожить каждый интеллигентный человѣкъ. Такъ какъ показаній давалось при этихъ условіяхъ мало, то каждымъ изъ нихъ жандармы торопились воспользоваться, и потому оно тотчасъ становилось извѣстнымъ другимъ заключеннымъ. Тогда обыкновенно даже въ Петропавловской Крѣпости кричали черезъ двери: „Такой-то выдаетъ!“ Кричавшаго сажали на нѣсколько дней въ карцеръ, но другіе уже знали, что нужно. Слухъ быстро выходилъ за стѣны тюрьмы, и репутація предателя была наградой болтуну. Теперь, когда обычай объясняться съ волками вошелъ въ обыкновеніе, проболтавшійся легко можетъ оправдать себя не только передъ товарищами, но и передъ самимъ собою: вѣдь онъ держалъ себя такъ, какъ и всѣ другіе, онъ хотѣлъ своими „объясненіями“ выгородить и себя, и другихъ, и только случайно это ему не удалось. Если же тактика уклоненія отъ дачи показаній будетъ общепринята, то каждый будетъ знать, какъ держать себя. Тутъ ужъ ошибки невозможны. Поэтому, если кто-нибудь станетъ давать показанія, то не представится надобности разбирать, умѣло-ли онъ это сдѣлалъ: достаточенъ будетъ самый фактъ дачи показаній, чтобы заклеймить его.

Въ послѣднее время все большій и большій процентъ арестованныхъ составляютъ рабочіе. При системѣ массовыхъ арестовъ, такъ широко теперь практикуемой, попадается много рабочихъ, которые, хотя и пользовались нелегальной литературой или посѣщали кружковыя собранія, но недостаточно распропагандированы, чтобы держать себя на допросахъ согласно требованіямъ той или другой тактики, о существованіи которой они часто и

не подозрѣваютъ. Отъ *такихъ* рабочихъ, конечно, нельзя требовать, чтобы они тоже отказывались давать показанія. Однако, это не будетъ имѣть серьезнаго значенія, такъ какъ *такіе* рабочіе очень мало могутъ выдать.

Техника революціонной пропаганды среди рабочихъ у насъ еще далеко не разработана. Первая брошюра, касавшаяся тактики соц.-демократовъ: „Объ агитаціи", появилась у насъ только въ 95 г. Она была написана и издана группой провинціальныхъ соц.-дем. „По нашему мнѣнію", писали они, „русская соц.-демократія вступила на ложный путь", и старались указать путь истинный. Брошюра эта имѣла огромный успѣхъ; она отвѣтила на вопросы, которые уже стояли передъ многими. Казалось, что авторы сказали слово, которое, что называется, вертѣлось уже на языкѣ болѣе опытныхъ пропагандистовъ. Вотъ почему высказанная мысль тотчасъ стала общепризнанной, и уже въ 96 году Петербургскій Союзъ Борьбы и Московскій Рабочій Союзъ дѣйствовали въ духѣ новой тактики. Но эта прекрасная брошюра не касалась вопроса о техникѣ, такъ сказать, пропаганды и агитаціи: она намѣчала программу дѣйствія, но не касалась вопроса о томъ, какъ надо организоваться, чтобы при данной наличности силъ осуществить эту программу съ наибольшимъ успѣхомъ и съ наименьшей потерей людей. Этотъ вопросъ выходилъ изъ рамокъ брошюры „Объ агитаціи", какъ онъ выходитъ изъ рамокъ моей. Я его только намѣчаю и касаюсь лишь для того, чтобы сказать, что хотя при современной техникѣ пропаганды показанія рабочихъ недостаточно подготовленныхъ и приносятъ организаціямъ много вреда,—это не мѣшаетъ намъ принять тактику уклоненія отъ дачи показаній: показанія цѣлой группы *такихъ* рабочихъ подводятъ только отдѣльное лицо и ужъ отъ этого лица зависитъ, локализировать-ли погромъ, или пустить заразу въ лагерь друзей.

21-го марта 97 года въ числѣ арестованныхъ было много лицъ, которыя обвинялись въ принадлжности къ Союзу Борьбы. Однако, жандармскому управленію не удалось связать ихъ всѣхъ въ одно дѣло и ихъ разбили на двѣ группы. Гдѣ печатались прокламаціи, въ распространеніи которыхъ обвинялись арестованные. такъ и осталось неизвѣстнымъ, и Союзъ Борьбы благополучно продолжалъ свою дѣятельность. А это только и требуется. Я не ищу тактики, которая прекратила бы аресты. Такой тактики нѣтъ. Пока будетъ революціонная борьба, до тѣхъ поръ будутъ и потери въ нашихъ рядахъ. Вопросъ только въ томъ, чтобы довести ихъ до минимума, теперь же мы ихъ доводимъ до маскимума своими „объясненіями".

Впрочемъ, для человѣка, рѣшившагося уклониться отъ дачи показаній, есть рискъ, что у него эти показанія все же выну-

дитъ опытный слѣдователь. Поэтому нужно разъяснить, какой именно способъ уклоненія есть наудобнѣйшій.

Если мы будемъ отвѣчать „нѣтъ!“ на всѣ вопросы, которые намъ предложатъ, то это будетъ уклоненіе отъ дачи показаній. Если будетъ ясно, какъ божій день, что вы знакомы съ N. N., но вы заявите, что незнакомы, то жанд. упр. будетъ лишено возможности предлагать вопросы относительно этого лица и, слѣдовательно, цѣль будетъ достигнута—ничего не будетъ узнано нашими врагами.

Однако, на нашемъ знамени, какъ мнѣ кажется, нужно написать не этотъ девизъ, хотя нѣкоторые товарищи руководились имъ очень успѣшно. Дѣло въ томъ, что далеко не всякій сумѣетъ себя выдержать, ставъ на путь отрицанія. Вамъ показываютъ ваше собственноручное письмо — не у всякаго хватитъ духу отрицать, что оно имъ написано. Вамъ читаютъ показанія N. N., гдѣ тотъ говоритъ, что съ дѣтства знакомъ съ вами, что постоянно бывалъ у васъ, что сидѣлъ съ вами много лѣтъ на одной школьной скамьѣ. Всякій-ли послѣ этого повторитъ свое: „нѣтъ, я не знакомъ съ N. N.“? А если вы отступите отъ своего правила, если скажете: „да, я съ нимъ знакомъ“,—то дальше все пойдетъ какъ по маслу. По тѣмъ же самымъ причинамъ, по которымъ сказано первое „да“, придется сказать второе, а изъ этого, какъ логическій выводъ, вытечетъ третье „да“ и т. д. Я это говорю не въ видѣ предположенія; къ несчастью, можно привести слишкомъ много примѣровъ такого отступленія отъ заранѣе намѣченной тактики. Группа, названная жандаміеѣ группой „молодыхъ соціальдемократовъ“, условилась въ случаѣ ареста (послѣдовавшаго въ декабрѣ 95 и январѣ 96 г.) отрицать рѣшительно всѣ обвиненія и, тѣмъ не менѣе, только двое держались этой тактики до конца. Остальные отступили отъ нея, какъ только убѣдились, что жандармы освѣдомлены о дѣлѣ черезъ провокатора Михайлова (Николая Николаевича; позже жилъ въ Орлѣ; зимой 1900 года снова занялся провокатурой въ Москвѣ; зубной врачъ.)

Есть и еще одно обстоятельство, могущее сбить съ толку арестованнаго. Это ложное самолюбіе. Многіе думаютъ, что недостойно отрекаться отъ своихъ убѣжденій. Мнѣ кажется, наоборотъ, наивнымъ исповѣдываться передъ опричниками. Однако, необходимо считаться съ наличностью этого мотива.

Офицеръ Холоповъ (говорю о немъ потому, что онъ умеръ) долго отрицалъ свою виновность, наконецъ, полковникъ Бѣлоновскій сказалъ ему: „Я офицеръ и не стыжусь ни передъ кѣмъ высказывать свои убѣжденія — я крайній абсолютистъ. Вы тоже офицеръ, почему же вы боитесь открыто заявить свои убѣжденія?“ Холоповъ не выдержалъ и заявилъ, что онъ врагъ абсолютизма. Можно по этому поводу выругать Бѣлоновскаго негодяемъ, упрекнуть Холопова въ излишней горячности и отсутствіи дисципли-

ны, но дѣло отъ этого не измѣпится, фактъ остается фактомъ, а съ фактами не спорятъ, съ ними считаются.

Тактика отрицанія была бы хороша лишь для того, кто смогъ бы остаться непреклоннымъ, несмотря ни на какія ухищренія жандармовъ. Я противъ этого скользкаго пути еще и потому, что думаю, что есть тактика, которая обладаетъ всѣми достоинствами тактики отрицанія, но свободна отъ всѣхъ ея недостатковъ. Это тактика отказа давать показанія. Какъ только начнется первый допросъ, мы должны заявить, что не желаемъ давать никакихъ показаній. „Почему?"—Потому, что нежелаю.—„Но вѣдь это тяжело отзовется на Вашихъ друзьяхъ и знакомыхъ." — А я все же не желаю.—Я не желаю ничего отвѣчать. — „Но вѣдь мы все равно узнаемъ, Вы только затянете дѣло, вотъ Ваши товарищи показываютъ то-то и то-то."—А я не желаю ничего отвѣчать. Не желаю, не желаю... Вотъ все, что мы должны говорить.

Отрицать несомнѣнный фактъ значитъ лгать. Пусть это ложь во спасеніеи потому вполнѣ извинительная и даже необходимая, все же это ложь, и потому для многихъ трудно ее произнести, не сморгнувъ. Отказаться отвѣчать совсѣмъ другое дѣло! Такой отвѣтъ удовлетворяетъ самолюбіе самаго щепетильнаго человѣка. Нельзя придумать отвѣта болѣе соотвѣтствующаго достоинству борца. Долгъ чести и службы обязываетъ офицера именно такъ держать себя, если онъ попадастъ въ плѣнъ къ врагамъ. Я предлагаю всѣмъ и каждому найти человѣка, который, отказавшись давать на допросахъ показанія, раскаялся бы въ этомъ! Я увѣренъ, что такого человѣка не найдется, а между тѣмъ, вѣдь, не мало людей придерживались этой тактики, даже и за послѣднее время, уже не говоря о прошломъ, когда она была общепринята; но люди эти увозятъ свой опытъ съ собою въ сибирскую тайгу.

Враги наши обмѣниваются опытомъ другъ съ другомъ, насъ же они сознательно стараются послѣ конца дѣла разослать въ разные концы нашего отечества. Нашъ смертный грѣхъ состоитъ въ томъ, что мы не сумѣли, вопреки усиліямъ враговъ, все же подѣлиться своимъ опытомъ съ нашими товарищами. Безъ обмѣна мыслей невозможенъ прогрессъ ни въ одной области. Если бы каждому механику приходилось открывать законы рычага, то мы недалеко ушли бы отъ современниковъ Архимеда. Вотъ почему я рѣшился высказать свои соображенія по этому вопросу. Можетъ быть, я не смогъ достаточно ясно изложить преимущества тактики, мною защищаемой, можетъ быть, мнѣ не удалось такъ ярко освѣтить пагубность другихъ пріемовъ, какъ мнѣ это хотѣлось; можетъ быть, я не сумѣлъ внести въ свое изложеніе ту страстность, съ которой я хотѣлъ обратиться съ призывомъ къ моимъ товарищамъ,—но если моя брошюра вызоветъ возраженія и обсужденіе этого жгучаго вопроса, то цѣль моя будетъ достигнута.

Вопросъ о томъ, какъ себя держать на допросахъ, есть одинъ

изъ главныхъ въ нашей стратегіи, и мы должны разработать и изучить эту науку, какъ это дѣлаютъ офицеры, или какъ мы изучаемъ политическую экономію и исторію.

Есть еще способъ уклониться отъ дачи показаній — это тактика молчанія. Конечно, ничего нельзя возразить противъ этой тактики въ принципѣ, но я думаю, что она покажется непосильно героической для многихъ. Можно было бы сказать: „Могущій вмѣстити, да вмѣститъ“. Но мнѣ кажется, что ради единства тактики слѣдуетъ отказаться отъ этого пріема, тѣмъ болѣе, что всѣ его преимущества принадлежатъ и тактикѣ отказа отъ дачи показаній.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Постараюсь вкратцѣ резюмировать тѣ мысли, которыя я пытался развить въ этой брошюрѣ. Выяснивши, какъ кратокъ періодъ дѣятельности русскихъ революціонеровъ, я поставилъ себѣ цѣлью изучить средства удлинить его. Намъ надо создать стратегію — науку, которая тщательно изучила бы отдѣльныя пріемы борьбы и огласила средства, которыми мы можемъ болѣе или менѣе оградить себя отъ шпіоновъ; способы, которыми надо пользоваться для безопасной шифровки писемъ и записей; особенности организаціи, которая была бы въ большей, чѣмъ теперь, степени приспособлена для локализаціи погрома, если онъ начнется у периферіи, гдѣ провалы особенно часты — въ рабочихъ кружкахъ; средства оградить себя въ возможной степени отъ провокаторовъ; тактику, которой мы должны держаться на допросахъ. Цѣль моей брошюры—посильное выясненіе именно послѣдняго вопроса. Для достиженія своей цѣли, я старался намѣтить различные моменты дѣятельности Д. П. и обратилъ вниманіе на тѣ источники, изъ которыхъ Д. П. получаетъ о насъ свѣдѣнія, и на организацію, съ помощью которой онъ выдѣляетъ изъ числа арестованныхъ виновныхъ и невиновныхъ и постановляетъ приговоры. Изъ всѣхъ источниковъ я выдѣлилъ одинъ—наши показанія на допросахъ, и пришелъ къ заключенію, что организація адми-

нистративной расправы такова, что она нуждается именно въ этихъ данныхъ. Поэтому я остановился подробнѣе на процедурѣ допросовъ. Такъ какъ въ нихъ принимаютъ участіе двѣ стороны: мы и наши враги, то пришлось разсмотрѣть пріемы обѣихъ. Тактика жандармовъ состоитъ изъ ряда уловокъ, которыя я старался описать возможно подробнѣе, наша тактика изъ одного или нѣсколькихъ (изъ 9-ти) пріемовъ. Я разобралъ каждый изъ нихъ и пришелъ къ заключенію, что большинство изъ нихъ никуда не годится, одинъ особенно пагубный, это —именно тотъ, которымъ мы теперь такъ широко пользуемся—„объясненіе“ своихъ знакомствъ и записей. Съ другой стороны, есть одинъ пріемъ, принятіе котораго было бы благодѣтельно для нашего дѣла — это отказъ отъ дачи показаній. Провести въ жизнь эту тактику не такъ трудно; если бы существующія группы сдѣлали ее своимъ девизомъ, то и большинство арестуемыхъ стали бы ея придерживаться.

Послѣ разгрома въ серединѣ 80-хъ гг., благодаря предательству Дегаева, организаціи В. Фигнеръ, Лопатина, Сергѣя Иванова и Якубовича, не осталось и слѣда отъ могучей партіи Н. В. со всѣми ея достоинствами и недостатками. Наступилъ застой, мертвечина, гнетущая, безотрадная, сѣренькая жизнь, которая такъ характерно отразилась въ поэзіи нашего „измученнаго брата“ Надсона. Народное бѣдствіе 91 года было толчкомъ, вызвавшимъ новое движеніе, именно въ этомъ году группа Н. В. (арест. 21 апр. 94 г.) издала прокламацію, призывавшую насъ организоваться.

„Революціонеры силой вещей вызываются на историческую сцену“, говорилось тамъ. Эта же группа переиздала старую программу Н. В., какъ историческій документъ. Мы были бы недостойными преемниками нашихъ братьевъ, павшихъ въ борьбѣ съ врагами нашей родины, если бы не сумѣли внести въ эту программу новаго духа, существенныхъ перемѣнъ, вызванныхъ измѣнившимся классовымъ строеніемъ общества. Мы можемъ съ гордостью сказать, что поколѣніе 90-хъ годовъ выполнило эту задачу: соціальдемократы приняли принципъ классовой борьбы и соотвѣтственнымъ образомъ измѣнили

программу. Не только революціонеры, но и Мин. Вн. Дѣлъ въ своемъ секретномъ циркулярѣ Г. Делянову по поводу реорганизаціи Комитета Грамотности отмѣчаетъ 91 годъ, какъ годъ начала новаго движенія.

Пусть же ростетъ и крѣпнетъ оно! Пусть примыкаетъ къ нему все честное, бодрое, молодое! Пусть смѣло выступаетъ передовой отрядъ на борьбу за народное дѣло, за идеалъ соціализма и политической свободы!

Но для того, чтобы борьба была возможна, намъ надо воспитать, „дисциплинировать“ себя, и въ этомъ отношеніи тактика, которой мы будемъ придерживаться на допросахъ, имѣетъ огромное значеніе. Пускаться въ объясненія съ жандармами значитъ совершать политическое самоубійство! Опричники должны каждый разъ послѣ допросовъ хохотать надъ нами!

Тѣмъ, кто страстно жаждетъ побѣды революціонному движенію, остается только придти въ отчаяніе, если эта преступная тактика не будетъ заклеймена и проклята.

Ни слова пусть не услышатъ наши враги сверхъ того, что имъ уже извѣстно до допросовъ, помимо нашей воли и нашего вмѣшательства! *Ни одного слова на допросахъ!* — вотъ лозунгъ, провозгласить который я горячо призываю моихъ товарищей.

В. Бахаревъ.